Путешествіе за-границу М. Н. Похвиснева, 1847 года.

Вотъ уже минулъ годъ со времени моего возвращенія изъ чужихъ краевъ, а я все еще не удосужился привести въ порядокъ мои дорожныя замѣтки, разбросанныя по записнымъ книжкамъ, на лоскуткахъ бумаги, на трактирныхъ счетахъ. Между тѣмъ время бѣжитъ, и съ каждымъ днемъ открывается карандашъ въ моей записной книжкѣ, и каждый день что-нибудь да уноситъ изъ моей памяти. Надо торопиться,—если только замѣтки эти заслуживаютъ труда сбереженія. Перебирая нынѣ, на досугѣ, мой путевой портфель и письма, писанныя мною изъ-за-границы къ домашнимъ, сохранившіяся въ цѣлости у сестры моей Языковой (за что ей говорится здѣсь спасибо), я еще больше убѣдился, что все это, хотя и писано наскоро, налету, не лишено однакожъ интереса и, если будетъ приведено въ нѣкоторый порядокъ, можетъ быть не безъ удовольствія прочтется людьми, близкими мнѣ по душѣ. Но не столько для другихъ, сколько для меня самого имѣютъ цѣну эти записки, объ одномъ изъ самыхъ памятныхъ годовъ моей жизни. Я видѣлъ Западную Европу--въ замѣчательное время: наканунѣ переворота 1848 года и потомъ въ минуту перваго пыла революціонной горячки. Впечатлѣнія такого времени конечно стоютъ того, чтобъ быть сбережены на бумагѣ. Благо я теперь въ деревнѣ, слѣдовательно свободенъ, не развлекаюсь, а потому благословясь принимаюсь за этотъ трудъ. Постараюсь передать мои путевыя впечатлѣнія такъ, какъ они первоначально сложились на мою душу, безъ позднѣйшихъ прикрасъ, по возможности въ ихъ первобытной свѣжести и простотѣ. Въ этомъ-то и заключается вся прелесть воспоминаній. Итакъ, съ Богомъ снова въ путь!

Дер. Липня. Іюль 1849 г.

I. Отъ Владиміра до Петербурга.

17/29 Іюня 1847 года въ 7 часовъ вечера выѣхалъ я съ сестрою Людмилою изъ Владиміра. Разставанье съ родными, особенно съ матушкою, было самое тяжкое. Видя ея болѣзненное состояніе, ея слабость, я прощался съ нею безъ надежды снова ее увидѣть. Не знаю, какъ достало у меня силъ рѣшиться на такое дальнее путешествіе. Необходимость испытать еще разъ заграничное лѣченіе, сдѣлавшее мнѣ немалую пользу въ прежнія мои поѣздки, и мысль, что я ѣду не одинъ, а съ сестрою, поддержали мою рѣшимость. Добрые пріятели наши, В. С. Барыковъ, бывшій мой отецъ-командиръ, и А. Я. Мейснеръ, вызвался проводить насъ до первой станціи. Отправляемся въ трехъ тарантасахъ; заѣзжаемъ къ Веселкинымъ и, выпивши у нихъ прощальный бокалъ шампанскаго, забираемъ и ихъ съ собою до первой деревни Юрьевецъ (въ 8 вер. отъ Владиміра). Дорогою плетъ то веселая, оживленная, то грустная бесѣда. Милый спутникъ нашъ Мейснеръ, всегда увлекающій и увлекающійся въ бесѣдѣ, любезничаетъ съ дамами, наконецъ пускается въ длинныя объясненія съ горничною дѣвушкою сестры Людмилы Лукишею, которая ради благополучія переименовывается на время путешествія нашего въ Лучію, и серьезно увѣряетъ ее въ своемъ отчаяніи, что не прежде съ нею познакомился. Въ Юрьевцѣ разстались съ Веселкиными, которые возвращаются назадъ, а мы остальною компаніею, наши Языковы, Мейснеръ, Барыковъ и насъ трое путешественниковъ, Людмила, я и Лучія, мчимся дальше по шоссе. Вотъ и шоссейная застава, вотъ и первая станція Орша. Здѣсь располагаемся пить чай и ужинать. Вечеръ былъ дивный, теплый лѣтній вечеръ,—онъ и теперь еще свѣжъ въ моей памяти—вдали гдѣ-то гремѣла гроза. Намъ поставили столики, закипѣлъ самоваръ, заискрилось въ стаканахъ вино, и мы, свободные, непринужденные, въ какомъ-то грустно-свѣтломъ расположеніи духа, настроенные поэтически, благодаря восхитительному вечеру и мысли о предстоящемъ путешествіи, вели прощальную бесѣду, при блескѣ дальнихъ молній и глухихъ раскатахъ грома. Много было получено здѣсь обѣщаній, много высказано надеждъ и мечтаній. Даль нашего путешествія представлялась намъ въ привлекательномъ видѣ, особенно для Людмилы; она въ первый разъ оставляла родимый кровъ на такое продолжительное время; для нея путешествіе это, о которомъ прежде не смѣла и думать,—было истиннымъ подвигомъ, какимъ-то высокимъ, благороднымъ дѣломъ. Долго мы бесѣдовали, пока совсѣмъ стемнѣло и теплая ароматическая ночь спустилась на насъ; надо было разстаться. Обнявши крѣпко накрѣпко нашихъ Языковыхъ, простившись дружески съ нашими пріятелями, мы бросились въ тарантасъ. Прощайте, прощайте! Ямщикъ махнулъ по всѣмъ по тремъ, и мы понеслись по дорогѣ къ Москвѣ. Куда мы ѣдемъ? Зачѣмъ? Надолго ли? И вернемся ли мы благополучно домой? И приведетъ ли Богъ опять увидѣть родныхъ и друзей? Эти вопросы неотвязчиво и какъ-то смутно бродили въ головѣ моей, пока, утомленный, я не заснулъ крѣпкимъ сномъ.

$\frac{18}{30}$ Іюня. Солнце и жаръ. День будетъ душный, и врядъ ли обойдется безъ грозы. Я проснулся и на душѣ было легко; справедливо говорятъ, что отъѣзжающіе чувствуютъ меньше тягость разлуки, чѣмъ остающіеся. Къ утру съѣхались мы на станціи съ генераломъ барономъ Остенъ. Это видный собою мущина, лѣтъ 60, и страшный говорунъ. Пока мы пьемъ чай—онъ успѣлъ разсказать мнѣ про свою молодость, про тотъ вѣкъ, въ которомъ самъ былъ дѣятелемъ,—вѣкъ бурный, величавый. На двадцать третьемъ году отъ роду онъ былъ генералъ-маіоромъ и уже 30 лѣтъ какъ въ отставкѣ. Описываетъ мнѣ біографію нашего военнаго историка—Даниловскаго. Онъ родомъ изъ половичей, служилъ въ дипломатической канцеляріи Фукса при главной арміи, потомъ переименованъ въ военный чинъ и состоялъ при князѣ П. М. Волконскомъ; въ послѣдствіи сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Хоронъ отзывъ фельдмаршала Сакена о твореніяхъ Даниловскаго. Чуть ли баронъ Сакенъ не сынъ покойнаго фельдмаршала.

По дорогѣ къ Москвѣ вездѣ платимъ двойные прогоны—такъ велитъ разгонъ лошадей. По заведенному издавна обычаю, насъ принимаютъ въ Богородицкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, смотрители и ямщики—всегда мошенники. Берутся доставить насъ на вольныхъ въ одну упряжку до Москвы за двойные прогоны. Не ждать же на станціи—плятимъ и ѣдемъ. Часовъ въ 5 п. об. въѣзжаемъ въ Бѣлокаменную и останавливаемся на Тверской, въ обновленной гостинницѣ Парижъ. Посылаю отыскивать брата Аркадія, неизвѣстно для чего проживающаго въ Москвѣ. Вечеру по русскому обычаю ѣду въ баню и беру теплую ванну. (1 р. сер.)—оттуда опѣшу въ контору дилижансовъ в заведенія, которое почитается лучшимъ—взять мѣста, если можно, на завтрашній день. Нахожу свободными два мѣста въ кабріолетѣ, а намъ нужно три; предлагаютъ ѣхать въ 8 мѣстномъ дилижансѣ, въ задней каретѣ (входъ съ тылу), съ тѣмъ что если взявшій условно 2 мѣста въ середней каретѣ Г. Кубитовичъ—не поѣдетъ, то мѣста эти наши. Рѣшаюсь на это предложеніе. Хочется поскорѣе выѣхать изъ Москвы—мы и безъ того ужъ запоздали нашимъ путешествіемъ. Конецъ Іюня—надо быть уже на мѣстѣ и начать курсъ лѣченія, а мы еще не выѣзжали изъ Россіи. Изъ конторы дилиж. заѣзжаю на Мясницкую къ А. Акт. Засѣцкой, у которой, разумѣется, застаю Андрея Засѣцкаго; они ходятъ по залѣ, я подкрадываюсь потихоньку—и вдругъ ихъ разлучаю. Удивленіе ихъ; но они еще больше удивляются, когда узнаютъ, что я въ Москвѣ проѣздомъ, на пути за-границу. Пошли толки и разговоры о предстоящемъ мнѣ путешествіи. Андрей Засѣцкій соблазняется моимъ примѣромъ и говоритъ, что, проводя меня, быть можетъ онъ самъ рѣшится ѣхать въ чужіе края; онъ составляетъ мнѣ планъ вояжа и убѣждаетъ пробыть за-границею не менѣе года. Все это прекрасно, говорю я, но для этого надо большія деньги и силы путевыхъ—а мнѣ недостаетъ того и другаго. Послѣ ужина ѣду домой, провожаемый сильною грозою; цѣлую ночь страшный ливень.

19 іюня. / 1 іюля. Цѣлое утро въ хлопотахъ и путевыхъ сборахъ. Надо размѣнять билеты въ Оп. Совѣтѣ, взять свидѣтельство отъ полиціи, исполнить Владимірскія коммиссіи, которыя намъ навязали и свои, и чужія. Ѣдемъ съ сестрою пораньше въ Совѣтъ, но такъ рано, что еще нѣтъ никого изъ чиновниковъ. Ждемъ; наконецъ является экспедиторъ (Шумахеръ),—я обращаюсь къ нему и онъ обѣщаетъ, что деньги будутъ выданы въ 1 часу; только необходимо, чтобы кто-нибудь изъ слушающихъ въ Совѣтѣ письменно удостовѣрилъ въ личности и подписи сестры Людмилы. Для этого обращаюсь къ старому знакомому—казначею Кочергину, сестра дѣлаетъ бланковую надпись, а онъ письменно на билетѣ удостовѣряетъ. Получаю контр-марки. Ѣдемъ рыскать по магазинамъ,—передъ всякою поѣздкою, а тѣмъ болѣе передъ нашимъ путешествіемъ всегда встрѣчаются разныя необходимости, безъ которыхъ впрочемъ легко и обойтись. Оттуда спѣшу въ Совѣтъ получить деньги по двумъ билетамъ Людмилы и сестры Языковой. Опять заѣзжаю въ конт. дилиж.; отъ Кубитовича, чудака, по словамъ хозяина, нѣтъ отвѣта; я отдаю мои виды. Укладываемся и только ждемъ купленнаго у Циммермана чемодана (55 р. асс.). Къ обѣду пріѣзжаетъ Засѣцкій; безъ четверти въ 4 часа отправляемся въ конт. дил.; насъ провожаютъ братъ Аркадій и Засѣцкій; у подъѣзда находимъ M-lle Julie Богданову, пріѣхавшую проститься съ Людмилою. Беремъ ее съ собою. Въ конторѣ дил. по крайней мѣрѣ съ часъ ожидаемъ пріѣзда Кубитовича; наконецъ мы потеряли терпѣніе и требуемъ отъ кондуктора не ждать, а ѣхать; больше всѣхъ сердится Засѣцкій, который читаетъ длинное нравоученіе конторщикамъ и говоритъ, что за-границею дожидаться не стали бы. Въ ту самую минуту какъ мы садимся въ дилижансъ—является Кубитовичъ съ своимъ маленькимъ братомъ. Общее негодованіе на него, слышатся не весьма лестныя для него рѣчи. Этотъ господинъ извѣстенъ невыгодною своею исторіею съ знакомымъ мнѣ уланомъ княземъ Оболенскимъ, который на балѣ въ Собраніи, за выхваченный изъ-подъ него стулъ Кубитовичемъ, поколотилъ послѣдняго. Кубитовичъ служилъ съ братомъ Аркадіемъ въ Преображенскомъ полку и въ слѣдствіе этой непріятной исторіи долженъ былъ оставить полкъ; недавно женился на дочери богатаго откупщика Нагибина и теперь везетъ брата своего въ корпусъ. Съ нами въ дилижансѣ ѣдетъ графъ Толстой, отецъ московской красавицы Полины, (слывущей такъ въ Москвѣ) вышедшей недавно замужъ за кн. Вяземскаго, убившаго на дуэли преображенца Бахметева. Братъ Аркадій знакомитъ меня съ графомъ-моргуномъ. Ничего необѣщающая наружность; извѣстно, что Толстые не отличаются головою. Графъ съ гордостью разсказываетъ намъ про своего зятя, надѣлавшаго много шуму своею исторіею съ Бахметевымъ; дѣло стало за сестру Бахметева, на которой Вяземской обѣщалъ жениться и которую, говорятъ, онъ обольстилъ; братъ вступился за сестру и былъ убитъ Вяземскимъ. Судъ надъ нимъ кончился, и приговоръ ему объявленъ, вмѣстѣ съ

сымомъ гр. Толстого (бывшимъ у него секундантомъ) при дверяхъ Уголовной Палаты. Благодаря ходатайству старухи графини Разумовской, тетки Вяземскаго—послѣднему вмѣнено въ наказаніе двухгодичный арестъ или, какъ говоритъ старый графъ, ему вмѣнено наказаніе въ арестъ. Молодые Вяземскіе только что уѣхали въ С. П. Б., и отецъ, гордый *de cette belle alliance*, отправляется вслѣдъ за ними. Въ 5 часовъ (по милости Кубитовича, часомъ позже назначеннаго времени) выѣзжаемъ изъ Москвы. Намъ съ сестрою достались не весьма удобныя мѣста; входъ сзади, карета старая, сукно истертое и въ заплатахъ, сторъ отъ солнца нѣтъ и, однимъ словомъ, гадко; (за эти мѣста платили съ насъ 22 р. сер., а въ серединѣ по 28 р. сер., въ кабріолетѣ—19 р. сер.). Наша Лукиша или дорожная Лучія помѣстилась въ кабріолетѣ рядомъ съ толстымъ купцомъ. Дорогою безпрестанныя встрѣчи дилижансовъ. Въ Подсолнечной, гдѣ пьемъ чай, генералъ О..... разсказываетъ, какъ ямщикъ завезъ его въ канаву—и опрокинулъ. То же самое едва не случилось и съ нами ночью, невдалекѣ отъ Клина; пассажиры всѣ завалились спать, я одинъ, кажется, бодрствовалъ; почувствовавъ, что мы валимся на бокъ,—я первый закричалъ, чтобъ насъ окорѣе выпустили; за нами повыскакали другіе пассажиры. Я накинулся на кондуктора. Дорогу чинятъ, и половина щебня снята, по крайней мѣрѣ, на ¼ аршина,—сонный ящикъ съѣхалъ одною стороною дилижанса съ шоссе и врѣзался въ земляную насыпь. Еслибъ я не закричалъ,—намъ предстояло бы неминуемое паденіе въ громадномъ дилижансѣ. Не стану описывать трехсуточнаго утомительнаго путешествія по петербургскому шоссе—я не знаю ничего скучнѣе этого переѣзда. Бѣдная болѣзненная природа, не оживляемая ни разнообразіемъ видовъ, ни помѣщичьими усадьбами, однообразіе деревень и вѣчныхъ, отстроенныхъ по одному плану, гостинницъ—все это очень хорошо извѣстно цѣлой Россіи. Я замѣтилъ, что и самое шоссе неисправно, нижегородское не въ примѣръ его лучше. Подъ Петербургомъ на насъ подулъ сѣверный холодный вѣтеръ. Завернувшись въ теплую шинель, я проклиналъ медлѣнный климатъ, и въ такомъ-то расположеніи духа въѣхали мы 23 Іюня въ 5 ч. утра въ великолѣпный Петроградъ.

Глава II. Петербургъ.

Въ конторѣ дилижансовъ намъ рекомендуютъ новую отель съ громкимъ именемъ *Hôtel Napoleon* на Вознесенской. Отправляемся туда. Содержатель ея Французъ—Napoleon Bouquin. Насъ встрѣчаетъ приказчикъ его, ловкій и развитой малый, М-г Woldemar. По языку и по выговору я принимаю его за Француза. Удивленіе мое, когда узнаю, что онъ петербургскій уроженецъ; шесть лѣтъ жилъ онъ за-границею; управлялъ, по словамъ его, если не врутъ, извѣстною въ цѣломъ мірѣ *Hôtel des Princes* въ Парижѣ и почти забылъ свой родной языкъ. М-г Woldemar предлагаетъ мнѣ свои услуги насчетъ выправки заграничнаго паспорта къ отѣдующей Субботѣ. „Je vous ferai partir avec le bateau de Sa-

medi prochain sans faute. Но для того чтобы выправить паспортъ въ такое короткое время, потребуется, прибавляетъ онъ, кромѣ законныхъ, нѣкоторыя еще экстра-ординарныя издержки." Я прошу его составить мнѣ счетъ этимъ расходамъ, который онъ вскорѣ приноситъ. Надо, сверхъ законныхъ издержекъ, еще 20 р. сереб. Дорого! Торгуюсь съ Вольдемаромъ и кончаю на 18 р. сер. Деньги эти должны идти въ редакцію газетъ за публикаціи, въ министерство внутр. дѣлъ, въ канцел. генер. губерн., въ полицію и пр. Лучше предоставить это дѣло ловкости и опытности Вольдемара, отправляемаго за-границу такимъ образомъ, по словамъ его, болѣе 100 семействъ, нежели хлопотать самому и вѣроятно не имѣть успѣха. Теперь главное затрудненіе состоитъ въ публикаціи—первая публика можетъ быть не раньше Вторника, остальныя дней по закону должны слѣдовать черезъ номеръ газеты, т: е: черезъ день, такъ что послѣдняя явится въ С. П. бургскихъ Вѣдомостяхъ въ Субботу, въ самый день отъѣзда парохода. Но это только по закону. Надо сдѣлать такъ, чтобы публики напечатаны были въ трехъ номерахъ сряду и кончены въ Четвергъ—тогда и паспортъ можно выхлопотать къ Субботѣ. Для этого нужно только, по словамъ Вольдемара, не жалѣть денегъ. Чтобы самому удостовѣриться, не надуваетъ ли меня мой почтенный въ дѣлахъ, и попытать, не согласятся ли въ редакціи вѣдомостей напечатать меня 3 дня сряду за назначенную плату по 86 коп. сер. съ каждаго лица,—отправляюсь послѣ обѣда самъ въ Zeitungs-Bureau, цѣлый часъ звоню и никого не нахожу. Нынче праздникъ и контора заперта. Вечеръ провожу дома. На дворѣ дождь и холодъ, да и въ комнатахъ у насъ не теплѣе. Къ несчастію я забылъ калоши мои въ Померанѣ и хотя кондукторъ дилижанса обѣщалъ мнѣ ихъ выручить и переслать въ С. П. Б.— однакожъ врядъ ли я дождусь ихъ, и мнѣ придется покупать новыя. Вотъ еще непредвидѣнная издержка сверхъ путевой моей смѣты.

24 Іюня Понедѣльникъ. Цѣлую ночь и утро дождь лилъ. На минуту прояснится, но съ моря набѣгутъ облака и снова польетъ de plus belle. Какой очаровательный климатъ! Досталося же отъ меня сегодня строителю Петербурга. Я золъ на него не хуже любаго московскаго славянофила. Окна наши прямо противъ вѣтра—оттого и холодно. Я въ самомъ гадкомъ расположеніи духа. Помышляю уже о зимней шинели,—здѣсь всѣ военные ѣздятъ еще въ мѣховыхъ воротникахъ. Утромъ ѣздили съ Людмилою по моднымъ магазинамъ. Пользуясь минутнымъ хорошимъ временемъ, спѣшу показать ей Петербургъ,—ѣдемъ по Невскому въ Казанскій соборъ, помолиться, по русскому обычаю начинать дѣла свои молитвою,—оттуда по единственному нашему проспекту до Аничковскаго дворца, потомъ назадъ по Адмиралтейской площади,—и на дворцовую площадь. Людмила восхищена величественною наружностью Зимняго дворца. Потомъ по дворцовой набережной до Мраморнаго дворца, который передѣлываютъ къ свадьбѣ В. К. Константина Николаевича. Эрмитажъ также перестроивается. Возвращаемся

назадъ, ѣдемъ на Сенатскую площадь поклониться *Мѣдному Всаднику* и по Англійской набережной, мимо дворцовъ петербургской аристократіи, знатной и денежной, въ контору казенныхъ пароходовъ. Справляемся о мѣстахъ—на Субботу ихъ еще довольно. Чиновникъ показываетъ намъ и объясняетъ планъ казенныхъ пароходовъ, Русскаго и Прусскаго, содержащихъ сообщеніе С. П. Бурга съ Штетиномъ. Останавливаюсь посмотрѣть на живо-преслѣдуемую постройку постояннаго черезъ Неву моста. Какая гигантская работа! Пессимисты и скептики горько улыбаются, глядя на этотъ мостъ, они плохо вѣрятъ возможности прочнаго его существованія. Къ этому числу принадлежитъ вѣчно остряшій надъ всѣми и надъ всѣмъ князь Меньшиковъ, и я не могу не привести здѣсь того, что сказалъ онъ о главныхъ сооруженіяхъ, производящихся теперь въ Россіи. *Исаіевскій соборъ мы не увидимъ, но дѣти наши увидятъ, постоянный мостъ черезъ Неву мы увидимъ, но дѣти наши не увидятъ; а желѣзной дороги отъ С. П. Б. до Москвы ни мы, ни дѣти наши не увидятъ.* Вотъ еще новость для насъ, пріѣзжихъ въ Петербургъ—отъ Сенатской вплоть до новой Конно-Гвардейской, строющейся, сколько можно теперь судить, въ оригинальномъ пляшномъ видѣ, пролегаетъ прекрасный новый бульваръ и по сторонамъ его новая улица. Непостижимо, какъ быстро растетъ и богатѣетъ Петербургъ! Въ этомъ отношеніи, конечно, ни одна изъ Европейскихъ столицъ не можетъ съ нимъ поспорить. Много мыслей тѣснится въ головѣ, когда подумаешь, какія несмѣтныя богатства положены въ эту болотистую почву, сколько силъ и капиталовъ истрачено здѣсь, на зло враждебнымъ стихіямъ, и сколько Петербургъ ежегодно извлекаетъ силъ и капиталовъ изнутри Россіи, и о томъ, какъ неудобно центру гражданской правительственной жизни быть не въ сердцѣ, а на оконечности огромнѣйшей имперіи. Несмотря на все это, глядя на Петербургъ, на его величественный строгій видъ—невольно съ нимъ миришься. Это замѣчательный городъ и лучшее свидѣтельство могущества Русскаго духа, Русскаго народа.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Несокрушимо какъ Россія;
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія!

Завтракаю у ресторана въ отелѣ Парижъ на Морской. Дома встрѣчаетъ меня Вольдемаръ съ непріятными вѣстями. „Voyez, monsieur, je suis tout en nage—malheureusement j'ai de mauvaises nouvelles à vous donner. Въ редакціи вѣдомостей, за проекратную ежедневную публикацію, требуютъ 10 р. серебр." Я ужаснулся. Иду самъ въ контору—нахожу какого-то Нѣмца, M-r Haerpener, Arzt (такъ написано на мѣдной дощечкѣ, прибитой къ дверямъ) занимающагося пріемомъ публикацій. Онъ съ двусмысленнымъ видомъ отвѣчаетъ на мою просьбу, что это не отъ него зависитъ, а отъ редактора газеты, г. надворнаго совѣтника Бирюковскаго. Беру

его адресъ (шутка сказать—онъ живетъ на Васильевскомъ острову) и скачу къ нему, въ надеждѣ найти въ редакторѣ человѣка образованнаго, гуманнаго, который вѣроятно убѣдится моими обстоятельствами и велитъ напечатать меня за указныя пошлины. Чтожъ? На самыхъ вышкахъ, въ подпебесномъ этажѣ дома Академіи Наукъ, нахожу человѣка среднихъ лѣтъ, въ сѣромъ спенсерѣ и бѣломъ галстухѣ, съ плутоватымъ лицемъ, хотя и съ скромнымъ видомъ. Малороссъ по выговору. Отъ такой наружности не жду добра. Я горячо объясняю ему просьбу мою. Онъ отвѣчаетъ: „напрасно вы безпокоились; отъ васъ былъ уже человѣкъ, и я сказалъ ему, на какихъ условіяхъ можно это сдѣлать". Вижу, какой этотъ гусь и безъ церемоніи начинаю съ нимъ торговаться. Онъ неумолимъ, сожалѣетъ о моихъ обстоятельствахъ и говоритъ, что у нихъ это положенная такса, съ каждаго отъѣзжающаго по 3 р. серебромъ, но что для меня еще сдѣлаютъ снисхожденіе, не будутъ брать въ разсчетъ ѣдущую при насъ дѣвушку и удовольствуются только 6 рублями сер. Онъ (беретъ меня за руку): „что значитъ для васъ такая ничтожная сумма". Я: „помилуйте—я человѣкъ небогатый и для меня въ путешествіи всякая копѣйка дорога". Онъ: „полно-те—вы, господа, живете въ огромныхъ размѣрахъ, путешествуете по чужимъ краямъ—для васъ это сущая бездѣлица. Впрочемъ я ничего не могу сдѣлать, прибавилъ онъ, принимая на себя лукаво-смиренный видъ сожалѣнія—я самъ въ стѣснительномъ положеніи, я завишу отъ другихъ, эти деньги должны идти въ раздѣлъ. Впрочемъ вы сами служили—вы знаете, какъ дѣла дѣлаются". Противъ такихъ аргументовъ я не нахожу болѣе словъ, считая безполезнымъ разувѣрять его, что моя служебная опытность не простиралася такъ далеко, какъ онъ думаетъ, я вынимаю изъ бумажника 6 р. сер. и плачу ихъ въ добавокъ къ слѣдующимъ по закону 2 р. 58 к. сер. „Vous voyez, М-г, сказалъ мнѣ Вольдемаръ, когда я вернулся домой, проклиная Петербургскихъ чиновниковъ, je ne vous surfais pas — moi je connais toutes les roules". Честь и слава тебѣ, отвѣчалъ я. Обѣдаю дома. Простудилъ руку по милости неизвѣстья. Вечеромъ собрался было къ Хитровымъ, но раздумалъ. Лѣнь и тоска! *Такова ли была я прежде*—когда лѣтъ 7 тому назадъ я въ первый разъ ѣхалъ за границу? Годы, горькій опытъ жизни, физическіе недуги легли на мнѣ всею тяжестью своего неотвратимаго вліянія. Они убили во мнѣ много силъ душевныхъ, но объ этомъ довольно. Пора спать.

24 Іюня. Вторникъ. Вольдемаръ является ко мнѣ спросить, рѣшаюсь ли я поручить ему дѣло о паспортахъ или буду хлопотать самъ; послѣ разныхъ толкованій и торгованій (онъ уступалъ изъ статьи объ издержкахъ по мин. внут. дѣлъ еще 2 р. сер.), я поручаю ему, говоря: „faites comme vous voulez pourvu que j'aie mon passeport vendredi soir." Ѣдалъ къ Хитровымъ.—Они переселились на дачу въ Павловскъ. Заѣзжаю на квартиру Владимірскаго знакомаго нашего Пав. Пет. Тимофѣева (вице-директора департ. въ мин. госуд. имущ.), который при отъ-

ѣздѣ нашемъ изъ Владиміра предложилъ намъ остановиться у него въ С. П. Б., такъ какъ семейство его живетъ на дачѣ. На квартирѣ дано о насъ знать, и все готово для нашего пріема. Я отдаю письмо для доставленія на дачу женѣ Павла Петровича и обѣщаюсь самъ къ нимъ заѣхать. Ѣду мимо дома Мальцовыхъ— окна завѣшаны, стало-быть ихъ нѣтъ въ С. П. Б. Забѣгаю въ кондитерскую и имѣю удовольствіе читать въ С. П. Бургскихъ Вѣдомостяхъ: въ числѣ отъѣзжающихъ за-границу: Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ надворн. совѣт. съ сестрою Людмилою Николаевною Похвисневою, при нихъ крѣпостная служанка Лукерья Дмитріева. Спросить на Вознесенской улицѣ, въ домѣ Поггенполя, № (забылъ). Дѣлаю визитъ къ Исакову во французскую книжную лавку. По дорогѣ попадаются омнибусы преизящнаго устройства, новенькіе съ иголочки; они только что заводятся и пока ходятъ по одной линіи отъ конца Невскаго проспекта до Англійской набережной. Парижскія затѣи прививаются и къ намъ, но онѣ какъ-то не совсѣмъ гармонируютъ съ нашею вялою неодушевленною жизнію. Въ Петербургѣ теперь пустота—всѣ, кто только можетъ, переѣхали на дачи зябнуть въ сквозныхъ холодныхъ домикахъ. Поневолѣ вспомнишь какого-то остряка, сказавшаго, что въ Петербургѣ двѣ зимы на году, одна бѣлая, другая зеленая. Однакожъ послѣ обѣда время разгуливается. Дай-то Боже. Ѣду съ Людмилою на Англійскую набережную, въ контору пароходства — справиться о мѣстахъ; боюсь, что Вольдемаръ меня надуетъ, и мы прогуляемъ пароходъ. Мѣста разбираются и на Субботу остается ихъ немного. Взять билеты наудачу не рѣшаюсь. Показываю сестрѣ только-что пришедшій изъ Кронштадта съ княземъ Меньшиковымъ казенный пароходъ. Офицеръ предложилъ намъ показать внутреннее его устройство; мы, разумѣется, съ удовольствіемъ воспользовались этимъ любезнымъ предложеніемъ. Замѣтны слѣды пребыванія здѣсь морскаго министра: матросы въ парадѣ—въ красныхъ жилетахъ. Князь Меньшиковъ былъ посланъ Государемъ ввести нашъ флотъ, крейсировавшій въ Балтикѣ,—въ Шведскую гавань Карлскрону, чтобы отвизитовать Шведскому флоту, бывшему у насъ въ гостяхъ прошлаго года. Для принятія нашего флота присланъ былъ Шведскимъ Королемъ Наслѣдный Принцъ. Спрашиваю у офицера, знаетъ ли онъ Александра Комовскаго. „Какъ не знать Александра Дмитріевича— мы съ нимъ ходили въ Стокгольмъ.“ Заѣзжаю къ юному камергеру Комовскому— онъ въ Петергофѣ, тамъ ему и быть должно. Цѣлый вечеръ дома.

25 Іюня. Середа. Нынче день рожденія Государя. Хотѣлось бы повезти сестру въ Петергофъ — показать ей Царскую фамилію. Ей нездоровится, а потому отказывается, а мнѣ одному ѣхать нѣтъ силъ какъ скучно; притомъ же опять холодная и сырая погода. Иду въ Зимній дворецъ за позволеніемъ осмотрѣть Эрмитажъ и самый дворецъ; меня посылаютъ въ придворную контору, которая помѣщается на самомъ верху дворца, чуть не на чердакѣ; куда надо лѣзть по сальной и грязной лѣстницѣ. Изъ придворной конторы меня обращаютъ внизъ къ отворотъ-

маіору Кубе, отъ котораго зависитъ позволеніе видѣть дворецъ; по несчастію и Г. Кубе на дачѣ. Потерявъ терпѣніе, я иду прямо въ Эрмитажъ и прошу перваго попавшагося мнѣ гофъ-фурьера; онъ милостиво разрѣшаетъ мнѣ привезти мою даму, спросивъ напередъ о моей фамиліи. Возвращаюсь домой и, отдохнувъ немного, надѣваю фракъ, безъ котораго во дворецъ не пускаютъ, и беру съ собою Людмилу. Одна половина Эрмитажа перестроивается, но большую часть картинной галлереи можно видѣть. Нельзя не пожалѣть, что такая богатая картинная галлерея такъ дурно расположена и не имѣетъ порядочно составленнаго каталога. Въ этомъ отношеніи нехудо бы, при настоящей перестройкѣ Эрмитажа, взять въ примѣръ Берлинскій Музей, образцовый по удобствамъ помѣщенія, освѣщенія и систематическаго расположенія художественныхъ произведеній. Нашъ Эрмитажская галлерея одна изъ богатѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ и по всѣмъ правамъ можетъ занять третье мѣсто между галлереями по сю сторону Альповъ, послѣ Дрезденской и Луврской коллекцій. Снова восхищаюсь я Рембрандтовыми суровыми стариками и старушками (пять Рембрандта въ трехъ разныхъ положеніяхъ). Лукавое, умное лицо мущины въ бархатѣ, пишущаго на пергаментѣ. Мать, учащая читать малютку-сына—произведеніе, полное знанія и художественности. Богатство Тенье-ровъ, Вувермановъ, Поль-Поттеровъ, Рубенсовъ: веселыя пляски и трактирныя вакханаліи Теньера, такъ хорошо изображавшаго разныхъ гулякъ и вообще ихъ праздничную сторону простонародной жизни; разгульныя, смѣлыя, полныя жизни фигуры Рубенса, ярко и свободно бросавшаго краски на полотно; нѣтъ спора, что Рубенсъ былъ геніальный художникъ: въ смѣлости, богатствѣ идей, въ группировкѣ фигуръ, въ легкости исполненія—почти нѣтъ ему равнаго; но надо признаться, что о женской красотѣ онъ имѣлъ чересчуръ односторонее понятіе. Всѣ его женщины не больше какъ бѣлыя, румяныя Фламандки, славныя бабы и тетехи. Богатство Доменикиновъ; его прелестный Ange dominateur (Амуръ), нѣсколько замѣчательныхъ Тицановъ, Веккіо, обиліе Сальваторъ-Розы (нигдѣ не видалъ я его въ такомъ множествѣ), Гвидо-Рени. Вотъ и любимые мною мрачные ландшафты Рюисдаля. Нѣсколько Рафаэлей, преимущественно изъ первой его эпохи; но въ *Madonna di Alba* (принадлежавшая герцогу этого имени и, кажется, недавно пріобрѣтенная въ Эрмитажъ) видѣнъ уже настоящій Рафаэль. Божественная дѣва напоминаетъ уже будущую Сикстинскую Мадонну. Іисусъ и Іоаннъ—прелестны. Видѣлъ только одного несравненнаго моего Мурильо. Гдѣ же другіе? Вѣроятно взяты въ царскіе покои. Изъ отечественной жилопки замѣчательна картина Айвазовскаго, влюбленнаго въ море и мастерски его изображающаго: *Буря подъ Гангутомъ*. Море страшно бушуетъ; на берегу разложенъ огонь, который чудно отражается на темнозеленыхъ волнахъ. Но фигура Петра Великаго, раздражоннаго на бурю, грѣшитъ изысканностью, театральностью своей позы. Это не Петръ, а Каратыгинъ. Замѣчательны еще: портретъ Ольги Николаевны, сѣверной красоты,

писанный М-me Робертсонъ; Бородинская баталія Гесса и его же переходъ черезъ Березину. Еще забылъ упомянуть о чудномъ мальчикѣ Вандика, съ темнорусыми кудрями по плечамъ и Вандиковъ же портретъ какого-то вельможи или принца, въ Польскомъ костюмѣ, съ грубыми, повелительными чертами лица. (Полагаютъ, что это портретъ Собѣскаго.)

Измученные, усталые возвращаемся домой. Послѣ обѣда занимаюсь составленіемъ смѣты путевымъ надержкамъ; уже на первыхъ порахъ прожито нами болѣе, нежели я предполагалъ. Надо скорѣе выбираться изъ С. П. Б. Вечеру ходилъ читать журналы къ Вольфу. Холодъ такъ и пронизываетъ. Возвратился съ свѣжаго. Надъ нами стоитъ извѣстная артистка, un violoncelle, M-lle Христіани. Она цѣлый день гудитъ на своемъ віолончелѣ. Слушаю игру ея изъ корридора—хорошо, да мало энергіи, увлеченія. Врядъ ли женщина можетъ совладать съ этимъ инструментомъ. Ночь провелъ дурно, лихорадочный припадокъ и сильный приливъ хандры.

26 Іюня. Четвергъ. Утро посвящено сборамъ къ поѣздкѣ въ Павловскъ къ Хитровымъ. Въ половинѣ перваго беремъ извощика и спѣшимъ на станцію желѣзной дороги. Я закутанъ по зимнему; все еще холодно. Въ часъ поѣздъ помчался—мы взяли мѣста въ каретѣ (1-ыя мѣста по 85 к. сер.);—хорошо устроенныя кареты, должно быть новыя. Противъ насъ сидитъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ съ скромною, чрезвычайно привлекательною наружностью. Изъ разговора узнаю, что онъ докторъ; эта встрѣча очень кстати. Разспрашиваю его о Шёнлейнѣ, которыго я намѣренъ консультировать въ Берлинѣ. „Tachez de le voir plus souvent, говоритъ мнѣ незнакомый докторъ, il est tellement occupé, toujours pressé; il ne fait pas beaucoup d'attention aux malades qui le consultent en passant; il est trop à la mode. Je vous recommande Barez, professeur,—j'ai été son adjoint; pour les maladies de femmes—Bousch". Хвалитъ очень Геденіуса, Дрезденскаго врача, о которомъ я слышалъ много хорошаго отъ нашихъ земляковъ. Pour Marienbad et Ems—ce n'est pas encore tard. Все это надо взять къ соображенію; жаль, что не догадался спросить объ его фамиліи. Въ Царскомъ Селѣ мы съ нимъ разстаемся. Переѣздъ отъ П. Б. до Павловска, съ остановками на половинѣ дороги и въ Царскомъ, продолжался безъ малаго часъ. Вышедъ изъ вагона, идемъ наудачу прямо по дорогѣ,—насъ перегоняетъ коляска, въ ней Хитровы. Marie первая насъ узнала—садимся къ нимъ въ экипажъ, я помѣщаюсь сзади съ Васею на лакейскомъ мѣстѣ. Обѣдаемъ у нихъ, а въ 6½ часовъ уже мы на станціи снова на embarcadère, куда проожжаетъ насъ семейство Хитровыхъ—и ѣдемъ обратно въ С. П. Б. Лиза попрежнему очень ребячлива и очень мила; она, бѣдная, похудѣла, все хлопочетъ. Разсказываютъ намъ о своей прошлогодней поѣздкѣ за-границу. Кажется мало видѣли, но много веселились. Накупили тряпокъ на 5 т. рублей, такъ что не съ чѣмъ было вернуться домой, вслѣдъ Г. Павловъ, директоръ каменнаго пароходства, ихъ не вы-

ручилъ. Возвратились въ Октябрѣ и дорогою потопили ночью какое-то купеческое судно. Sophie Вибикова живетъ въ Пятигорскѣ, на могилѣ мужа. Еврейцовы въ Парижѣ; Barbe предоставлялась въ Вѣнѣ Вел. Князю Михаилъ Павловичу и понравилась. Николай Александровичъ такой же добрый, славный папаша; также попрежному занимается политическими и другими новостями, также, какъ и прежде, закупаетъ и читаетъ всѣ вновь выходящія Русскія книги. Говоритъ мнѣ о новомъ сочиненіи Устрялова: Царствованіе Николая. Государь, прочтя его, будто бы сказалъ: „ты меня уже слишкомъ хвалишь; исторія такъ хвалить не будетъ." Объ Ермоловѣ сказано, что онъ просился съ Кавказа по слабости здоровья. Въ Петербургѣ составилась компанія изъ Русскихъ для устройства желѣзной дороги отъ Москвы до Одессы. Государь сначала не хотѣлъ было давать разрѣшенія, но потомъ утвердилъ. Англичане взялись ставить рельсы на Московскую дорогу дешевле нашихъ заводчиковъ; они приготовляютъ ихъ изъ нашего же желѣза, но не изъ чистаго, а съ примѣсью чугуна. Говорятъ, какіе богатые вагоны сдѣланы на Александровскомъ заводѣ для Московской дороги. Но когда же окончится эта дорога? Вотъ уже который годъ ее строятъ, а между тѣмъ до сихъ поръ открытъ только кусочекъ до Колпина (11 верстъ). Третьяго года, въ проѣздъ графа Клейнмихели черезъ Владиміръ, я обѣдалъ съ нимъ у губернатора и слышалъ, какъ онъ за столомъ, по всеуслышаніе, объявлялъ, что въ 1847 году дорога будетъ готова, и приглашалъ по ней въ гости въ С. П. Б. А вотъ теперь уже 1849 годъ, — а объ концѣ еще не слыхать. У Хитровыхъ мы встрѣчаемъ Круглякова, неадѣсущаго, по выраженію моего сосѣда на желѣзной дорогѣ. Семейство Кондоиди; новая страсть Лизы къ молодому Кондоиди. Славный мальчикъ Васл Хитрово готовится поступить въ Лицей. Ѣхавши по желѣзной дорогѣ, видѣлъ издали родную Лицейскую обитель, недавно потрепоженную и перенесенную въ П.бургъ. Теперь уже нѣтъ Царскосельскаго, а есть Александровскій Лицей; куда же дѣвался памятникъ *genio loci*? Вольдемаръ увѣряетъ, что дѣла наши идутъ хорошо, и къ Субботѣ паспорты будутъ готовы; дѣло въ томъ, что я прогуляю мѣста. „Vous aurez des places sur mon honneur," отвѣчаетъ онъ. Посмотримъ — но я начинаю уже терить терпѣніе. Ѣду опять справляться въ контору пароходства; контора заперта, но сторожа увѣряютъ, что мѣста еще не всѣ разобраны.

27 Іюня. Пятница. Ищу Вольдемара, — говорятъ, что уѣхалъ по нашимъ дѣламъ. Цѣлый день не могу поймать его, мнѣ кажется, что онъ меня обѣгаетъ. Послѣ обѣда нижу его на минуту, онъ не отчаивается еще получить паспортъ завтрашнимъ утромъ, но въ немъ нѣтъ уже прежней увѣренности. И это даетъ мнѣ право думать, что онъ не имѣетъ успѣха или просто обманулъ. Сержусь на себя, что дался въ обманъ и позволилъ провести себя этому мошеннику; удерживаю гнѣвъ свой до завтра.

28 Іюня. Суббота. Поймалъ Вольдемара утромъ на улицѣ и требую отъ него

рѣшительнаго отвѣта. Онъ разсыпается въ извиненіяхъ и сожалѣніяхъ, что не могъ въ такое короткое время выправить паспортовъ. „Мнѣ и обѣщали, говоритъ онъ,— но согласитесь сами, вѣдь я же не могъ понудить министра; онъ живетъ на дачѣ, и это причиною, что выходъ паспортовъ замедлился". Тутъ я разразился и напалъ на него: „какъ же смѣлъ ты, бездѣльникъ, объщать мнѣ и браться за это дѣло, когда оно тебѣ не по силамъ. Знай, что это не пройдетъ тебѣ даромъ и ты впредь не будешь обманывать довѣрчивыхъ и неопытныхъ людей". Вольдемаръ проситъ у меня прощенія. Я рѣшаюсь самъ хлопотать о паспортахъ. Утромъ пріѣзжаютъ къ намъ Хитровы изъ Павловска—мы оставляемъ ихъ обѣдать, а послѣ обѣда я провожаю ихъ до машины.

29 Іюня. Воскресенье. Цѣлый день не въ духѣ, неудача съ паспортами меня крайне разстроила, и я не могу равнодушно видѣть мерзавца Вольдемара. Запираю его опять къ себѣ въ комнату и порядочно его гоняю, для того чтобы имѣть удовольствіе сорвать сердце. Передъ обѣдомъ ходилъ осматривать Исаакіевскій соборъ. Безъ позволенія не пускаютъ, но моя усильная просьба, съ присоединеніемъ другихъ болѣе звонкихъ убѣжденій, поколебала твердость сторожа, и я былъ впущенъ. Противу прошлогодняго я мало нашелъ перемѣны—да и трудно ее замѣтить въ этихъ громадныхъ работахъ. Еще будетъ трудомъ пѣть на десятокъ. Наружная отдѣлка собора окончена—теперь отдѣлываютъ его внутри. По богатству матеріаловъ, по наядности деталей, Исаак. соборъ будетъ, быть можетъ, единственный храмъ въ мірѣ. Вездѣ мраморъ, гранитъ, золото, мѣдь; но въ отношеніи главной мысли созданія онъ не поражаетъ васъ ни своимъ величествомъ, ни своею архитоническою красотою—и вообще цѣльное впечатлѣніе, производимое наружнымъ видомъ храма, не совершенно благопріятно. Громадный, вытянутый вверхъ, куполъ, какъ солнце сіяющій своею позолотою,—имѣетъ видъ самовара, а четыре по сторонамъ его компаниліи или башенки слишкомъ малы, а потому не гармонируютъ съ главнымъ куполомъ и не составляютъ съ нимъ одного цѣлаго; на огромномъ зданіи онѣ кажутся какими-то наростами, чѣмъ-то въ родѣ бородавокъ. Зато превосходны четыре величественные портика о гранитныхъ въ два ряда столбахъ, ведущіе въ храмъ, и особенно замѣчательны украшающіе ихъ фронтоны съ бронзовыми изваяніями художниковъ Лемэтра и Витали.

Пользуясь хорошимъ временемъ, я уговариваю Людмилу ѣхать на острова, которыхъ она еще не видала. Беремъ наемную карету и приказываемъ везти себя по всѣмъ островамъ, куда переселилось теперь все Петербургское населеніе. Искусство истощило всѣ свои способы, чтобы скрасить здѣшнюю чахоточную природу, и оно мастерски воспользовалось обиліемъ Невскихъ водъ. Море зелени, роскошь цвѣтовъ, затѣйливые, своеобразные *chalet* и cottage, чистота, опрятность—невольно привлекаютъ, радуютъ васъ; но когда вспомнишь, какъ все это непрочно, что это не больше какъ минутная декорація, когда вспомнишь о немилосердномъ

адѣшномъ кобѣ—невольно вздохнешь и пожалѣешь о столькихъ трудахъ, о столькихъ капиталахъ, похороненныхъ въ адѣшнихъ болотахъ. Эта прогулка развлекла и разсѣяла меня,—я возвращаюсь въ лучшемъ расположеніи духа.

30 Іюня. Понедѣльникъ. Съ нынѣшняго дня начинаются хлопоты мои о полученіи паспортовъ. Для памяти самому себѣ на будущее время, равно для руководства другимъ, кому понадобится совѣтъ мой въ подобномъ же случаѣ, приведу здѣсь правила о выдачѣ паспортовъ заграничныхъ и порядокъ ихъ полученія. Сначала, какъ выше сказано, публикуютъ троекратно въ прибавленіяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ, платя за каждое отъѣзжающее лицо по 86 коп. серебр. (и гораздо больше, если захотите нарушить законный порядокъ, какъ то случилось со мною); по троекратной публикаціи, запасшись 3 листами послѣдней публикаціи, вы отправляетесь къ мѣстному частному приставу или квартальному надзирателю и, заплативъ что слѣдуетъ полиціи, получаете отъ нея свидѣтельство о неимѣніи препятствій къ выѣзду изъ города; съ этимъ свидѣтельствомъ вы должны обратиться въ канцелярію военнаго генералъ-губернатора по отдѣленію иностранныхъ паспортовъ; тутъ вамъ напишутъ просьбу отъ вашего имени, которую и должны вы лично подать Г. воен. ген. губернатору, съ приложеніемъ всѣхъ нужныхъ бумагъ, медицинскаго свидѣтельства, если вы ѣдете по болѣзни, для неслужащихъ указа объ отставкѣ, свидѣтельства губернскаго предводителя. Эта просьба передается въ канцелярію, которая и сносится съ министерствомъ внут. дѣлъ о высылкѣ вамъ заграничнаго паспорта, котораго бланкъ заготовляется въ министерствѣ на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и по требованію Г. ген. губернатора высылаютъ къ нему, за подписаніемъ министра, для выдачи просителю. По полученіи паспорта, канцелярія Г. в. г. губ. выдаетъ вамъ оный подъ роспиской въ книгѣ и со взысканіемъ впередъ пошлинъ за полгода (съ ѣдущихъ по болѣзни взыскивается по 95 р. сер. за каждое лицо, равно и съ прислуги; съ остальныхъ же по 100 р. с. за каждые 6 мѣсяцевъ); при семъ случаѣ взыскивается съ васъ еще пошлина въ пользу хлопотавшаго за васъ чиновника по канцеляріи. Имѣя въ рукахъ заграничный паспортъ, вы уже не жалѣете объ этомъ расходѣ и въ порывѣ благодарности щедро платите Г. Куну или ему подобному. Такъ поступилъ и я. Но этимъ еще не совершенно оканчивается длинная процедура. Если вы ѣдете моремъ, то должны предъявить вашъ паспортъ въ таможнѣ, что возьметъ у васъ цѣлое утро; затѣмъ вамъ слѣдуетъ объѣхать посольства тѣхъ странъ, куда вы намѣрены отправиться для приложенія визы на вашемъ паспортѣ; это правило въ особенности должно наблюдать относительно Австріи и Франціи. По выполненіи всѣхъ этихъ формальностей, вы наконецъ можете, безо всякаго опасенія, съ полною увѣренностью ѣхать въ контору пароходства и взять для себя мѣсто. Описавъ такимъ образомъ порядокъ полученія паспортовъ,—я возвращаюсь къ моей особѣ.

Утромъ ѣду въ канцелярію воен. ген. губернатора; тамъ чиновникъ по иностранному отдѣленію объясняетъ мнѣ, какъ должно дѣйствовать въ дѣлѣ о паспортахъ и говоритъ, что хотя Вольдемаръ и просилъ его, но онъ по короткости срока рѣшительно отказалъ ему; „притомъ же вы сами лично должны подать просьбу Г. ген. губернатору". Это я и исполняю сегодня же. Шульгинъ, спросивъ меня о предметѣ просьбы, передаетъ ее своему адъютанту, а я откланиваюсь, выхожу и лечу въ министерство внутр. дѣлъ. Отыскиваю стараго пріятеля и товарища по Лицею Лихонина, служащаго начальникомъ отдѣленія въ департ. полиціи исполнительной и прошу его похлопотать о немедленномъ заготовленіи паспортныхъ бланковъ и поднесеніи ихъ къ подписанію Г. министру. Лихонинъ очень радъ со мною свидѣться; онъ рекомендуетъ меня одному чиновнику, занимающемуся дѣлами о заграничныхъ паспортахъ, который обѣщаетъ мнѣ дать моему дѣлу возможно быстрое теченіе и обнадеживаетъ полученіемъ паспортовъ къ Субботѣ, такъ какъ Г. министръ никогда не задерживаетъ долго дѣлъ этого рода. Я разсказываю Лихонину о продѣлкѣ со мною Вольдемара. Лихонинъ убѣждаетъ меня формально жаловаться на этого мошенника, въ предупрежденіе подобныхъ плутней на будущее время, и для того чтобъ онъ не осмѣливался чернить министерство. Зоветъ меня завтра къ себѣ обѣдать. Заѣзжаю домой, беру сестру и ѣду къ Тимофѣевымъ на дачу (близъ Кушелевской дачи). Застаемъ дома однѣхъ дочерей, а сама хозяйка отправилась въ городъ. Прождавъ ее часа два и не дождавшись, мы уѣзжаемъ. Вечеру, забравъ наши пожитки, расплатившись съ хозяиномъ отеля Napoleon'омъ, которому я посовѣтовалъ построже держать Вольдемара и не позволять ему мошенничать, мы переѣзжаемъ на квартиру Хитровыхъ къ Таврическому саду. За отсутствіемъ ихъ, весь домъ къ нашимъ услугамъ. Хоть и далеко это всего, но спокойнѣе и нѣсколько выгоднѣе для кармана.

1 Іюля. Вторникъ. Нынче утромъ пріѣзжала изъ Павловска живущая у Хитровыхъ Креолка Марья Степановна съ порученіемъ увезти насъ въ Павловскъ. Я рѣшительно отказываюсь; до полученія паспорта мнѣ нельзя трогаться изъ П. Бурга; по окончаніи же моихъ путевыхъ сборовъ я обѣщаюсь пріѣхать къ нимъ отдохнуть передъ самымъ отъѣздомъ за-границу. Людмила также подъ разными предлогами отдѣлывается. Сегодня именины Царицы; въ Петергофѣ праздникъ отказанъ, а будетъ гулянье и фейерверкъ на Елагиномъ островѣ. Утромъ рыскалъ по разнымъ дѣламъ, заѣзжалъ въ канцел. ген. губернатора, въ министерство внутр. дѣлъ, есть, кажется, надежда получить паспорты къ Субботѣ; бланки сегодня отправляются къ министру на дачу. Послѣ обѣда заѣзжаю къ Лихонину, они еще обѣдаютъ. Я дожидаюсь въ саду. Семенъ Осиповичъ знакомитъ меня съ старикомъ-отцомъ своимъ и съ остальными семействомъ. Отецъ умный, еще здоровый и свѣжій человѣкъ, хотя ему и за 70. Любуюсь его портретомъ, писаннымъ Брюловымъ. У Брюлова есть свой оригинальный способъ составлять краски; самые

рѣзкіе, противоположные и кажется враждебные другъ другу цвѣта подъ его кистью сливаются въ одно гармоническое цѣлое. Когда близко вглядываешься въ лица его портретовъ,—непріятно поражаешься этою рѣзкостью тоновъ, этимъ понидимому неестественнымъ колоритомъ, но когда отойдешь и взглянешь на портретъ съ надлежащаго мѣста—это уже не портретъ, а живое существо. Брюловъ мастерски схватываетъ главное выраженіе лица, ту постоянную мысль, душу, которая даетъ лицу каждаго человѣка особенный характеръ, физіономію, отличающую его отъ другихъ людей. Въ его широкой манерѣ живописать есть Рубенсовское и Рембрандтовское вмѣстѣ. Лихонинъ недавно женился на М-llo Брантъ, той молоденькой, стройненькой, живенькой племянницѣ, которая жила у Гольтгойера, съ которою, бывало, мы танцовали и за которою ухаживали мы, лицеисты. Теперь и слѣдовъ не осталось прежней племянницы (такъ называлась она между нами въ Лицеѣ). Кто бы подумалъ тогда изъ насъ, что она будетъ женою нашего товарища, который дальше другихъ былъ отъ нея. Лихонинъ, кажется, счастливъ ею вполнѣ. Невольно позавидуешь, глядя на семейное счастье, одно возможное на землѣ. День настоящій лѣтній, возвращаюсь поздно вечеромъ,—въ теперешнюю пору въ П. Бургѣ нѣтъ ночей:

Одна заря смѣнить другую
Стѣшитъ, давъ ночи полчаса.

Такъ свѣтло, что можно читать, и какъ хороши облитые этимъ темно-серебристымъ свѣтомъ петербургскіе дворцы и гордая красавица—Нева. Возвращаясь домой, я видѣлъ падали отрывки фейерверка, сожженнаго на Крестовомъ островѣ.

2 Іюля. Нынѣшнимъ утромъ я показывалъ сестрѣ Академію Художествъ. Изъ замѣчательныхъ вещей видѣли мы: *Послѣдній день Помпеи* Брюлова, такъ дурно поставленный. Милую картину Моллера *Пушкина Татьяна* въ ту минуту, когда

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ,
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушка склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.....
Но вотъ изъ лунная луча
Сіянье хлынетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ исчѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрится; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно,
Моей Татьянѣ все равно.

Стихи эти читаются сами собою, когда глядишь на Моллерову картину. Художникъ необыкновенно какъ счастливъ въ выборѣ сюжетовъ для своихъ картинъ; любимый предметъ его—задушевный романъ, повѣсть сердца. Лучшія его картины принадлежатъ этому разряду: *Первый поцѣлуй*, давшій ему извѣстность, *Обручальное кольцо*, *Объятка*. Моллеръ человѣкъ съ душою и талантомъ: онъ мнѣ старый пріятель по Крейцнаху, гдѣ мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ лѣчились вмѣстѣ у Пригера, бранили Нѣмцевъ, тянули кушинами (?) и читали Пушкина. Оба мы были тогда молоды и свѣжи; онъ уже преданъ былъ душою искусству, но не пользовался еще извѣстностью. При разставаньѣ я подарилъ ему бывшее со мною маленькое изданіе *Евгенія Онѣгина*, внушившаго ему прекрасную картину, а онъ срисовалъ мой портретъ, который какъ драгоцѣнность хранится въ моемъ семействѣ. Помню еще: онъ написалъ тогда же портретъ общей нашей знакомой—Русской красавицы, графини Екатерины Александровны Зубовой, которой мы поклонялись,

Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Этой милой женщины нѣтъ уже въ живыхъ. Но я отбился отъ моего сюжета. Еще видѣли мы въ Академіи замѣчательные картоны Басина, Бруни, Брюлова (другаго брата), писанные для Исакіевскаго собора.

Послѣ обѣда ходилъ я въ Гостинный дворъ къ мѣнялѣ и вымѣнялъ у него на 200 р. серебромъ Французскихъ 20 франковиковъ, лобанчиковъ, которыми всего лучше запасаться для заграничнаго путешествія. На нихъ меньше теряешь, чѣмъ на другой золотой монетѣ, а иногда можно даже и выиграть. Заходимъ въ Казанскій соборъ посмотрѣть на запрестольный образъ, твореніе Брюлова Взятіе Богоматери на небо. Вездѣ виденъ геніальный художникъ. Говорятъ, что, дабы судить объ этомъ произведеніи, надо видѣть его сквозь отворенныя двери алтаря. Передъ вечеромъ ходилъ съ Никол. Алек. Хитрово и съ Васею въ соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній, замѣчательный какъ наружною своею архитектурою, такъ и плоскою простотою своего внутренняго устройства.

8 Іюля. Четвергъ. Николай Александровичъ уѣхалъ въ Павловскъ, а я остался хлопотать о паспортахъ. Заѣзжаю въ канцелярію ген. губернатора—и о! радость! Г. Кукъ вручаетъ мнѣ подписанные Перовскимъ два паспорта: одинъ на мое имя, другой на имя сестры Людмилы, съ состоящею при ней крѣпостною дѣвушкою. Я расплачиваюсь съ Г. Кукомъ и спѣшу домой. Беру билеты на субботній пароходъ: *der Preussische Adler* (за 2 мѣста въ 1 отдѣленіи по 68 р. сер. да для Лукиши въ 8 каютѣ—22 р. с., всего 138 р. с. со столомъ). Заѣзжаю къ Штиглицу, отдаю ему. . . . и беру кредитиву въ 6000 франковъ. Увѣряютъ, что настоящій курсъ для меня выгоденъ; разсчетъ и вычетъ процентовъ оставляемъ до моего возвращенія въ Россію. Послѣ обѣда спѣшимъ на машину, сдва было

не опоздали. Ѣдемъ въ Павловскъ къ Хитровымъ. Застаемъ ихъ на террасѣ. Приходитъ старикъ князь Голицынъ, извѣстный подъ именемъ Jean de Paris; онъ когда-то служилъ или состоялъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ, промотался и теперь, кажется, живетъ на хлѣбахъ у вел. князя Михаила Павловича. Веселый, умный старикъ, говорящій безъ умолку и сохранившій привычку волокититься. Ходитъ по слѣдамъ Лизы и напѣваетъ ей нѣжности. Патронъ его такой же любитель прекраснаго пола, по словамъ Голицына. *Ему было больно, когда Лиза Хитрово кашляла.* Вечеру отправляемся въ вокзалъ на концертъ Гунгеля. Отъѣзжая отъ подъѣзда, встрѣчаемъ великаго князя Михаила въ коляскѣ. Онъ милостиво съ нами раскланивается. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ снова встрѣчаемъ его, и опять любезный поклонъ. Онъ, кажется, нарочно велѣлъ повернуть кучеру, чтобы имѣть удовольствіе съ нами повстрѣчаться. Поздно вечеромъ пріѣзжаетъ изъ П. Бурга преображенецъ Александръ Хитровъ. Онъ такой же добрѣйшій и, кажется, пустѣйшій малый. Ночуемъ у Хитровыхъ.

4 Іюля. Пятница. Ѣздили передъ обѣдомъ съ Хитровыми въ Царское Село, но не на машинѣ, а въ своей коляскѣ. Сколько воспоминаній пробудилось въ моей душѣ при видѣ этихъ мѣстъ, гдѣ я провелъ дѣтство и первые годы юности! И какъ все и я съ тѣхъ поръ измѣнились! Вотъ Софія, и гусарскія казармы, и память о Катенькѣ Арпосъ, къ которой я питалъ такое нѣжное, дѣтски-чистое чувство первой любви, вотъ и Екатерининскій густо-тѣнистый садъ: онъ нисколько не измѣнился; то же романтическое озеро съ своимъ островкомъ, тѣ же густыя аллеи, по которымъ, бывало, разбѣгались мы, юнопи, идя въ купальню или *на музыку* подъ грибокъ, вотъ и Камеронова галлерея; вотъ и дворецъ Екатерины съ роскошными палатами, гдѣ живетъ лѣтомъ Наслѣдникъ. Мы вошли во дворецъ и осмотрѣли его въ подробности. Зашли въ церковь: ее обновили. Жаль, что прежній темно-синій цвѣтъ ея стѣнъ замѣнили болѣе ярко-голубою краскою. Сюда въ это Воскресенье водили насъ молиться Богу и здѣсь имѣли мы счастіе стоять въ виду Царскаго семейства. Въ церкви встрѣчалось я съ старымъ знакомымъ по Царскому Селу—Кобылянскимъ. Я бывалъ его по дому графини Толстой. Въ саду встрѣчаемся мы съ семействомъ Гольтгоеръ и Лихонова—какъ нарочно весь этотъ день напоминаетъ о лицейской жизни. А между тѣмъ Лицея нѣтъ теперь въ Царскомъ. Остались однѣ стѣны. Съ перенесеніемъ Лицея въ П. Бургъ много потеряли и Царское, и Лицей. Заѣзжаемъ въ кондитерскую, гдѣ я угощаю милыхъ кузинъ моихъ. Къ обѣду возвращаемся въ Павловскъ. Послѣ обѣда является вѣрный Лизѣ Jean de Paris. Много разсказываетъ намъ интересныхъ вещей о житьѣ-бытьѣ въ Варшавѣ, о Польской революціи, говоритъ о вновь вышедшихъ сочиненіяхъ о Россіи: Шницлера и Тургенева. Хвалитъ перваго. Въ 5 часовъ мы спѣшимъ на машину; насъ провожаетъ вся семья Хитро-

выхъ. Прощаемся съ этими милыми, добрыми родными и обѣщаемъ писать къ кимъ изъ-за-моря. Въ вагонѣ сидятъ съ нами нѣсколько дамъ и двое мущинъ: они говорятъ о предстоящемъ путешествіи, о морѣ, о пароходѣ, ободряютъ одну изъ дамъ, кажется, ѣдущую моремъ за-границу. Чуть ли это не завтрашняя спутница на пароходѣ! Я беру въ ней особенное участіе, да притомъ же она такая миленькая! Противъ насъ сидитъ преображенскій офицеръ Ребиндеръ,—много разговариваемъ о братѣ Аркадіи. Возвратившись домой, Людмила схватилась своего образа, который носитъ она на шеѣ и вспомнила, что она забыла его у Хитровыхъ. Посылаемъ съ вечера по желѣзной дорогѣ человѣка въ Павловскъ,—Людмила въ страшномъ безпокойствѣ.

$\frac{3}{15}$ Іюля. Суббота. Людмила успокоилась,—образъ найденъ и привезенъ. Сегодня великій день—день нашего отъѣзда. Пишемъ прощальныя письма по Владимірѣ. Цѣлое утро рыскаю по посольствамъ,—въ Австрійскомъ нѣтъ ни души: секретари и attachés разъѣзжались по дачамъ, въ цѣломъ домѣ одинъ только швейцаръ; отвѣдовательно паспортъ мой остается безъ Австрійской визы. Во Французскомъ посольствѣ, въ канцеляріи, нахожу какого-то М-г . . . . . въ великолѣпномъ халатѣ. Онъ извиняется, что такъ меня принимаетъ и говоритъ avec cette jactance, свойственной почти всѣмъ Французамъ: „Monsieur! Des affaires pressantes! Une dépêche pour le C-te Nesselrode!“ Все это не помѣшало ему однакожъ визировать мой паспортъ, несмотря на то, что въ паспортѣ прописано Франція. Спрашиваетъ меня, не родня ли мнѣ М-г Pochwisnell,—вѣроятно Николай Ивановичъ (сынъ Ив. Дмитріевича), съ которымъ онъ знакомъ по снѣгу. Отсюда ѣду въ контору пароходства и отдаю мой паспортъ. У Англійской церкви встрѣчаю опять похороны. Въ Петербургѣ образъ смерти преслѣдуетъ на каждомъ шагу,—вообще въ настоящее время, говорятъ, много умираетъ. Возвращаясь домой, на Невскомъ проспектѣ вижу рядъ солдатъ и погребальную колесницу,—опять похороны—изъ Петропавловской церкви выносятъ гробъ какого-то генерала—нѣмца. Эта печальная церемонія заставляетъ меня вернуться назадъ и объѣхать ее другими улицами. Что дѣлать? Я человѣкъ русскій и отъ былъ страшный суевѣръ! Отправляемся съ Людмилою въ церковь Пантелеймона и тамъ служимъ путевой молебенъ. Горячо молился я за родныхъ, которыхъ оставляю, и за себя, пускающагося въ дальній путь. Прощай, Петербургъ, прощай, Россія!

III. Пароходъ Preussischer Adler.

Въ третьемъ часу, забравъ наши пожитки, садимся въ карету и спѣшимъ на Англійскую набережную. Погода хмурится и начинаетъ накрапывать дождь. Невесело пускаться въ море въ такую пору, подумалъ я, мнѣ досадно, что первое впечатлѣніе пятаго плаванія для сестры Людмилы будетъ невыгодное. Но зная перемѣнчивость Петербургскаго климата, я не терялъ надежды, что небо вновь намъ замилуется и подаритъ насъ хорошимъ временемъ. На Англійской набе-

режной, у пароходной пристани, мы по обыкновенію находимъ толпу народа. Кто живалъ лѣтомъ въ П. Бургѣ, тотъ знаетъ, что такое отправленіе заграничныхъ пароходовъ по Субботамъ. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, стеченіе публики было огромное, несмотря даже на ненастную погоду: отъѣзжающіе въ чужіе края, родственники ихъ, знакомые, матросы, носильщики — весь этотъ народъ толпится, суетится, снуетъ взадъ и впередъ на узкомъ пространствѣ улицы отъ дома, занимаемаго конторою пароходства, до маленькой пристани, у которой дымится и ворчитъ отъ нетерпѣнія пароходъ. Вдоль набережной помѣщаются петербургскіе зѣваки, шедшіе мимо и остановившіеся поглазѣть на эту оживленную сцену. Вся эта суетня и толкотня изумляютъ непривычную къ этому движенію Людмилу. Помѣстивъ ее съ Лучіою на палубѣ парохода, я началъ хлопотать около нашихъ чемодановъ. Приведя наконецъ въ порядокъ, побѣжалъ я насупротивъ въ контору Штиглица обмѣнять на звонкую монету замалявшіяся у меня въ карманѣ 10 рублей билетъ Польскаго банка. Господинъ, къ которому я обратился съ просьбой, невѣроятно раздосадованный тѣмъ, что я его обезпокоилъ, отказываетъ наотрѣзъ и даже съ нѣкоторою грубостью. Я насилу воздержался, чтобъ не наговорить ему дерзостей; однакожъ далъ ему почувствовать его невѣжливость и поспѣшилъ вонъ. У дверей онъ меня останавливаетъ и соглашается удовлетворить моему желанію. Мнѣ было не долго, чтобы сердиться, хотя бы и слѣдовало распечь хорошенько этого невѣжу конторщика; я поспѣшилъ получить размѣненныя деньги и бросился опять на пароходъ. Еще полчаса — и вотъ слышится первый звонокъ, возвѣщающій, что пароходъ готовъ къ отплытію и зовущій Г-дъ пассажировъ занять ихъ мѣста. Начинается прощальная сцена: движеніе и толкотня усиливаются, раздаются восклицанія, жмутъ другъ другу руки, обнимаются, кто плачетъ, кто смѣется, кто спѣшитъ на пароходъ занять себѣ мѣсто, кто опѣшитъ съ парохода на набережную, дабы не быть увезену. Я, спокойно усѣвшись на лавкѣ, смотрю на эту дѣйствительно оживленную картину. Но вотъ въ другой разъ звенитъ пронзительный пароходный колоколъ, и доска, соединяющая насъ съ пристанью, летитъ прочь, пароходныя колеса застучали, и ровно въ 8 часовъ мы понеслись по Невѣ въ Кронштадтъ. Прощай, Петербургъ, прощай, Россія! Пассажиры, отправляющіеся за-границу, обыкновенно переѣзжаютъ на маленькихъ Вердонскихъ пароходахъ въ Кронштадтъ, гдѣ уже пересаживаются на большіе пароходы, которые по мелкости фарватера не могутъ приставать къ Петербургской набережной. Маленькій пароходъ былъ полонъ народу и заваленъ пассажирскими вещами; теперь еще не разберешь, — кто ѣдетъ въ даль, кто проѣзжаетъ до Кронштадта.

Въ ½ 6-го часа показался лѣсъ мачтъ, и въ скоромъ времени мы вошли въ Кронштадтскій рейдъ, оживленный множествомъ кораблей, судовъ и пароходовъ. Здѣсь мы остаемся до вечера въ ожиданіи почты и 8-ми еще неприбывшихъ пас-

сажиромъ. Часа черезъ два къ намъ приставалъ маленькій пароходъ и высаживаетъ къ намъ почту, заповѣдавшихъ спутниковъ нашихъ и еще офицера Финляндскаго корпуса, отправляющагося съ депешами къ вел. кн. Константину Николаевичу въ Англію. Въ скоромъ времени мы переходимъ на большой Прусскій казенный пароходъ Preussischer Adler (Прусскій Орелъ), который долженъ доставить насъ въ Штеттинъ. Съ любопытствомъ осматриваю я его устройство; во всѣхъ частяхъ нельзя ничего желать лучшаго въ отношеніи удобства и излишества; но онъ отличается, говорятъ, и другими достоинствами: чрезвычайно ходокъ и неглубоко сидитъ въ водѣ, что даетъ ему возможность входить въ фарватеръ Одера и приставать къ самой набережной Штеттина. Пруссаки вообще распорядились лучше нашего. Извѣстно, что по заключеніи условія между правительствами Россіи и Пруссіи объ устройствѣ на время навигаціи почтоваго пароходнаго сообщенія между Кронштадтомъ и Штеттиномъ, заказаны были тѣмъ и другимъ правительствомъ два одинаковыхъ парохода въ Англіи. По изготовленіи пароходовъ рейсы должны были начаться въ 1846 году: мы, Русскіе, принявъ отстроенный пароходъ, окрестили его именемъ *Владиміра* и открыли навигацію въ условленное время; но Пруссаки, болѣе разсчетливые и осторожные, найдя поставленный изъ Англіи пароходъ выстроеннымъ несходно съ условіями, забраковали его и потребовали постройки новаго; а потому въ 1846 г., для исполненія принятой на себя обязанности, Прусское правительство должно было нанимать за дорогую цѣну Любскій пароходъ. Въ нынѣшнемъ же году пароходъ поспѣлъ, и Прусское правительство не ошиблось въ своихъ разсчетахъ. Preussischer Adler, на которомъ мы теперь имѣемъ удовольствіе плыть въ Нѣмецкую сторону, перещеголялъ нашъ *Владиміра*: послѣдній чрезвычайно узокъ и тѣсенъ, а потому изъ 120 мѣстъ, бывшихъ на немъ первоначально, должны были уничтожить 20, притомъ онъ не такъ ходокъ и слишкомъ глубоко сидитъ въ водѣ, отчего не можетъ, какъ Прусскій Орелъ, приставать прямо къ Штеттину. Матросы на Орлѣ вольнонаемные, (жалованья получаютъ по 14 талеровъ въ мѣсяцъ), на Владимірѣ—солдаты. Койки расположены очень удобно, по двѣ въ каждой отдѣльной каморѣ, одна отъ другой. Такъ какъ на пароходѣ были пустыя мѣста, то я и занялъ одинъ всю камору № 11 и помѣстился въ верхней койкѣ. Передъ закатомъ солнца мы снимаемся съ якоря, проходимъ мимо строя военныхъ судовъ, большею частію разсыпанныхъ, и вскорѣ минуемъ величавыя, мрачныя твердыни Кронштадта, Кроншлота и громадной цитадели, недавно отстроенной, которая такъ грозно сторожитъ входъ въ устье Невы. Мало помалу я знакомлюсь съ персоналомъ нашего парохода. Тутъ была смѣсь всѣхъ націй и состояній. Опишу аристократическую часть нашей пароходной колоніи, занимавшую первое отдѣленіе. Былъ тутъ Помпей Пассемъ съ милою своею супругою, въ которой я узналъ вчерашнюю спутницу нашу на дорогѣ изъ Павловска. Онъ служитъ правителемъ

камеляріи московскаго об. полицмейстера; малый умный, настоящій чиновникъ, но не Петербургскій, а Московскій, что, какъ извѣстно, два существа разныя съ примѣсью славянофильства. Я скоро съ нимъ сошелся, и мы какъ будто бы были вѣкъ другъ съ другомъ знакомы. Онъ братъ тому новому генералу, Кавказскому герою, о которомъ такъ много кричали и который такъ рано кончилъ жизнь подъ Дарго. Былъ тутъ отставной полковникъ гвардіи Эммануилъ Нарышкинъ, бывшій адъютантъ графа Орлова, сынъ знаменитой въ свое время Марьи Антоновны; онъ ѣхалъ къ женѣ своей, урожденной Новосильцовой, въ Киссингенъ. Нарышкинъ, обладатель 10 т. душъ, веселый, пріятный, милый человѣкъ, но французски говоритъ такъ, что я сначала не хотѣлъ принимать его за Русскаго, и что же мудренаго? Онъ до восемнадцати лѣтъ жилъ и воспитывался въ Парижѣ. Была тутъ еще М-lle Дохтурова, пожилая фрейлина, дочь извѣстнаго генерала изъ эпохи 1812 года, отправлявшаяся въ Германію, по словамъ ея, для вступленія въ бракъ съ какимъ-то баронемъ. Тутъ нашлись и мои знакомые, два commis отъ Готье и отъ Московскаго портнаго Blanc и Genève; послѣдній недавно изъ Москвы и передъ отъѣздомъ видѣлъ Андрея Засѣцкаго, который говорилъ ему, что собирается въ чужіе края. Вотъ Нѣмецъ изъ Гамбурга, неутомимѣйшій надоѣдникъ, въ огромной бѣлой шляпѣ и съ глупо-самодовольной физіономіей; онъ ко всѣмъ льнетъ и безпрестанно прославляетъ славу Германіи. Нарышкинъ очень удачно назвалъ его пластыремъ. Зашла ли рѣчь объ отеляхъ, онъ вмѣшивается и рекомендуетъ намъ въ Гамбургѣ новую Hôtel d'Europe; заговорили ли мы о столѣ—Нѣмецъ тутъ какъ тутъ и тревожно распространяется о достоинствахъ Нѣмецкой кухни. Я началъ ему оспаривать и утверждать, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже Нѣмецкой кухни. Нѣмецъ съ презрѣніемъ смотритъ на меня, какъ на варвара. Былъ тутъ страшный оригиналъ, но болѣе милый человѣкъ, нежели пластырь изъ Гамбурга, это сѣденькій, съ румяными щеками, въ сѣромъ сюртукѣ, чопорный человѣчекъ, въ дикой шляпѣ, очень молчаливый и очень улыбающійся: я безъ труда узналъ въ немъ Англичанина. Онъ не говоритъ ни на какомъ языкѣ кромѣ своего роднаго, птичьяго. Завязку съ нимъ разговоръ, на полу-Англійскомъ и на полу-Русскомъ діалектѣ и наконецъ добивался отъ него, что онъ машинистъ и живетъ у Мальцовыхъ на Людиновскомъ желѣзномъ заводѣ. Получаетъ 15 тыс. жалованья,—видно, мастеръ своего дѣла. Хвалитъ Сергѣя Ивановича Мальцова за его дѣятельность, заботливость и, между прочимъ, говоритъ мнѣ, что Мальцовы недавно взяли огромный подрядъ слишкомъ въ три милліона, а именно поставить три паровыхъ машины въ С. П. Бургскій Арсеналъ. Ввечеру, послѣ проливного, но счастію непродолжительнаго, дождя, мы любуемся чуднымъ закатомъ солнца. Эта картина на морѣ—восхитительная! Мы остаемся на палубѣ, пока совсѣмъ не стемнѣло. Спутница наша, М-lle Дохтурова—женщина умная, образованная, но какъ-то странная, долго бесѣдуетъ со

мною о теперешнемъ состояніи Европы, sur la conspiration du panslavisme, sur la régénération de la Pet. Russie projettée par quelques extravagants и о разныхъ разностяхъ. Радъ радешенекъ, когда я наконецъ отдѣлался отъ этой бесѣды и могъ броситься въ мою койку отдохнуть отъ нынѣшняго суетнаго дня.

$\frac{6}{18}$ Іюля. Воскресенье. Рано выхожу на палубу—идетъ дождь, но тихо и тепло. Къ завтраку сходится вся наша компанія, au grand complet; дамы съ свѣженькими послѣ утренняго туалета личиками, кавалеры въ разнообразныхъ костюмахъ туристовъ,—кто въ почтенномъ paletot-sac, кто въ непроницаемомъ и непромокаемомъ сюртукѣ, кто въ пальто изъ какой-то звѣриной шкуры, кто въ плащѣ, а нашъ молчаливый и улыбающійся Британецъ въ дикомъ одѣяніи отъ панталонъ до шляпы. Хотите ли знать, какъ проводятъ время на пароходѣ?—Я, пожалуй, опишу вамъ пароходный образъ жизни, пароходный день. Съ утра всякій, разумѣется, спѣшитъ выбраться изъ своего гроба-койки на палубу, на чистый воздухъ. Въ 9 часовъ, по окончаніи пассажирами туалета, накрываютъ на столъ и звонкомъ приглашаютъ къ завтраку за общій столъ. Завтракъ этотъ Англійскаго происхожденія и состоитъ изъ чая, кофе, бифстекса, яичницы, съ присовокупленіемъ разныхъ закусокъ, которыми уставляется цѣлый столъ, какъ-то: изъ разныхъ сыровъ, преимущественно честера и швейцарскаго, ветчины, килекъ, сельдей и прочихъ salaisons. Если погода тихая, море не бурлитъ и здоровье пассажировъ обстоитъ благополучно, то всѣ эти яства истребляются охотно, но едва усилится вѣтеръ и начнетъ покачиваться пароходъ,—всѣ бѣгутъ отъ стола прочь, потому что во время морской болѣзни получаешь отвращеніе къ пищѣ и даже самый запахъ ея уже усиливаетъ тошноту; тогда за обѣдомъ не увидишь никого кромѣ развѣ какого-нибудь просоленнаго моремъ Голландца или амфибію-Британца, для котораго лучшій салонъ—пароходная палуба или каюта. Здѣсь онъ и ловокъ, и любезенъ по своему; облеченный, какъ въ броню, въ свое эксцентрическое пальто, или перевитый Шотландскимъ plaid'омъ, руки въ карманы, онъ гордо расхаживаетъ себѣ по палубѣ, не взирая на дождь и вѣтеръ, и кидаетъ кругомъ презрительные взгляды, издавая по временамъ сквозь зубы что-то вродѣ свиста, называемое Англійскимъ языкомъ. Послѣ завтрака, если погода хороша, вся пароходная колонія высыпаетъ вверхъ на палубу, и тутъ начинается бульварное гулянье взадъ и впередъ, большею частію попарно. Въ 3 часа обѣдъ, смѣсь Англійской и Нѣмецкой кухни,—жидонькіе супы, пуддинги и компоты,—вся эта враждебная Русскому желудку стряпня. Въ 8 часовъ чай или ужинъ.

Людмила жалуется на головную боль, она дурно спала ночь и боялась остаться одна въ своей койкѣ. Шумъ машины, шаги матросовъ надъ головой, плескъ моря, завываніе вѣтра,—все ее пугало. Она собиралась нѣсколько разъ одѣться и выйти на палубу посмотрѣть, не погибаемъ ли мы. Пароходъ нашъ идетъ славно. Издали слѣва видѣли Ревель или, лучше, шпицъ Олайской церкви.

потомъ прошли мимо ост. Даго и, обогнувъ мысъ Дагерортъ, послѣднее Русское владѣніе, выходимъ изъ Финскаго зал. въ открытую Балтику. Къ вечеру вѣтеръ усиливается и по всему замѣтно, что мы не уйдемъ отъ качки и, слѣдов., отъ скверной морской болѣзни.

Сегодня Нѣмецъ-пластырь читалъ намъ предлинную диссертацію о сравнительныхъ достоинствахъ французскихъ и нѣмецкихъ винъ. „L'argent dépensé en mauvais vins est un argent dépensé en vain," говоритъ онъ, очень довольный, что ему удалось помѣстить эту остроту.

$\frac{7}{19}$ Іюля. Ночь провелъ, почти не смыкая глазъ,—безсонница. Съ утра дождь; волненіе въ морѣ усиливается, начинается качка, и вмѣстѣ съ нею посѣщаетъ насъ гнусная морская болѣзнь. Дамы наши первыя занемогаютъ. M-me Пассекъ цѣлый день не вставая лежитъ въ традіонномъ положеніи на палубѣ. Людмила также занемогла и не выходитъ изъ своей койки, къ теченіи дня я вижу ее на нѣсколько минутъ. Я до самаго вечера лежу въ растяжку на скамьѣ въ палаткѣ и съ завистью смотрю на Нарышкина, который, ни въ чемъ не бывало, сидитъ себѣ въ палаткѣ и читаетъ новый романъ Поль-де-Кока. Я хотя и подверженъ этой болѣзни, но не въ такой степени, какъ другіе; во время самой сильной качки мои страданія ограничиваются головокруженіемъ, тошнотою и никогда не доходятъ до рвоты. Быть можетъ это еще мучительнѣе. Противъ mal de mer нѣтъ лѣкарства, *я* облегчаю себя однимъ средствомъ,—лежу не приподымая головы и какъ можно ниже; въ этомъ горизонтальномъ положеніи страданія гораздо слабѣе. M-lle Дохтурова присылаетъ мнѣ содовые порошки—мнѣ не до нихъ. Къ вечеру волненіе въ морѣ нѣсколько стихаетъ, и меня, разнемогшагося, развеселила сцена между M-lle Дохтуровою и Нѣмкою-актрисою. Послѣдняя является въ слезахъ на палубу и нараспѣвъ, съ драматическими жестами, жалуется капитану, что eine russische dame осмѣлилась назвать ее une fille. Слезы и рѣки текутъ у Нѣмки рѣкою; она на чемъ свѣтъ бранитъ Русскихъ, такъ что Нарышкинъ сердится не въ шутку и предлагаетъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ вступиться за честь нашихъ соотечественниковъ. Я смѣюсь отъ души, и эта сцена вылѣчиваетъ меня окончательно отъ mal de mer. Рыжій Варандокъ, не зная чью взять сторону, твердитъ только въ полголоса: „das ist eine merkwürdige Geschichte!" За что же поссорились эти дамы? Мнѣ наконецъ объясняютъ въ чемъ дѣло. Нѣмка стала раздѣваться въ общей дамской каютѣ; Дохтурова (должно полагать, прекапризная старая дѣва) замѣтила ей, что это неприлично, и въ насмѣшку отворила дверь въ корридоръ: та разсердилась, и пошла бѣда. Кое какъ успѣли успокоить и унять Нѣмку. Мнѣ сказали, что это любовница Рибопьера, которую онъ вывезъ изъ Берлина. „Знаете ли, говоритъ мнѣ Нарышкинъ, что это уже вторая исторія на этомъ пароходѣ въ нынѣшнемъ году и все между Русскими дамами и актрисами". Вначалѣ лѣта на *Орлѣ* ѣхали вмѣстѣ графиня Нессельроде и знаменитая

Арну-Плесси. Наша соотечественница, какъ женщина бѣдная, не взяла особой каюты, а заняла одну нижнюю койку, и ей пришлось лежать подъ Плесси, занимавшей койку вверху. Отправляясь на покой, Арну, какъ водится, поставила одну ногу на постель гр. Нессельроде, потому что иначе нельзя взобраться наверхъ. Наша гордая графиня этимъ оскорбилась и при встрѣчѣ съ Плесси на палубѣ наговорила ей дерзостей. Француженка выслушала, улыбнулась и, присѣвши ей граціозно, повернулась спиной, не сказавши ни слова. По счастію тутъ случился вѣчный прислужникъ А. Н. Сабуровъ, занимавшій особую каюту; онъ отдалъ ее графинѣ Нессельроде, а самъ вѣроятно ночевалъ à la belle étoile.

Я до двухъ часовъ ночи остаюсь въ палаткѣ на палубѣ.

$\frac{8}{20}$ Іюля. Вторникъ. Утромъ волненіе въ морѣ унялось, и всѣ больные поднялись на ноги въ ожиданіи скораго берега. Вдали виднѣется полоса земли— это берега Помераніи. Какъ весело послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, во время котораго ничего не видишь кромѣ неба, увидать землю, родную нашу мать. Какъ пріятно съ этой подвижной тюрьмы ступить на берегъ. Я много разъ путешествовалъ и всегда съ тѣмъ же радостнымъ чувствомъ приставалъ къ берегу. Вотъ уже ясно обозначились зеленые берега—это острова Узедомъ и Воллинъ, вотъ и Свинемюнде, красивый портовый городокъ, окруженный зеленью и красивыми дачами. Опять судьба привела меня увидѣть чинную и опрятную Германію. Я кланялся ей, какъ старый знакомый. Въ Свинемюнде мы остановились для таможеннаго осмотра. На берегу толпился народъ, крестьянки съ ягодами и фруктами. Вскорѣ къ намъ на пароходъ явились два чиновника въ форменныхъ синихъ сюртукахъ,—одинъ таможенный, другой полицейскій, для визы паспортовъ. Пока продолжались полицейскія и таможенныя формальности, я успѣлъ сбѣгать на берегъ, поболтать съ Нѣмочками и купить вишенъ. Черезъ полчаса нашъ пароходъ снова застучалъ колесами, и мы поплыли узкимъ проливомъ, отдѣляющимъ Воллинъ и Узедомъ. Тутъ попадается намъ нѣсколько пароходовъ, и въ томъ числѣ я узналъ земляка съ золотою надписью *Грозящій*, на которомъ прибылъ недавно изъ С. П. Бурга Нидерландскій Принцъ Фридрихъ. Вскорѣ вступаемъ въ широкое устье Одера, называемое Haff, а оттуда по Одеру въ Стеттинъ. Въ 1 часу входимъ узкимъ русломъ рѣки въ тѣсную, загроможденную судами, гавань; якорь бросили близь самой набережной. На берегу по обыкновенію толпится народъ, зѣваки, носильщики, поденщики, Bagagetrüger, ожидающіе работы, и цѣлый рядъ колясокъ къ услугамъ пассажировъ. Начинается толкотня, бѣготня. Пока наши всѣ вещи выкладывали изъ трюма, Нарышкинъ, Пасоекъ и я велѣли подать шампанскаго, и выпивъ за здоровье нашего капитана, мы благодаримъ его за благополучное плаваніе. На палубѣ при прощаньѣ вижу M-lle Дохтурову, которая почти два дня не показывалась на Божій свѣтъ. „Vous avez entendu les evenements de cette nuit?“ Я едва успѣлъ ей отвѣчать и вслѣдъ затѣмъ я, Люд-

мила и Лучія выходимъ на берегъ, беремъ колпоку и приказываемъ везти себя на станцію Берлинской желѣзной дороги.

IV. Берлинъ.

Стеттинъ одинъ изъ значительнѣйшихъ портовыхъ городовъ Пруссіи. Онъ похожъ на всѣ старинные Нѣмецкіе города и напоминаетъ Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Ригу: узкія извилистыя улицы, высокіе съуживающіеся кверху домы со множествомъ оконъ, съ черепичными кровлями и съ выставкою товаровъ за стеклами нижняго этажа, обыкновенно занятаго лавками и магазинами подъ разноцвѣтными и разнохарактерными вывѣсками. Огромная литера и слова Lager, Niederlage, Handlung, особенно Buchhandlung такъ и пестрятъ въ глазахъ. Мы проѣхались по городу, а потомъ поспѣшили на станцію Берлинской желѣзной дороги, съ тѣмъ чтобы успѣть пообѣдать и отправиться съ послѣобѣденнымъ поѣздомъ въ Берлинъ. Въ залахъ станціоннаго дома толпилось множество народа, между которымъ мы нашли всѣхъ нашихъ пароходныхъ спутниковъ. Толстая хозяйка отели съ двумя помощницами своими, румяными дочками, суетились и бѣгали взадъ и впередъ, едва успѣвая требованіямъ Г-дъ пассажировъ. Мы съ Пассеками спросили обѣдать. Черезъ часъ, послѣ неоднократныхъ нашихъ просьбъ, криковъ, ругательствъ,—подали намъ наконецъ обѣдъ претощій, но благо неразборчивый: какіе-то помои въ видѣ супа и вѣчный компотъ изъ вишенъ съ духами. Въ 4½ часа садимся мы и двое Пассековъ въ вагонъ 2 класса (съ персоны 89½ silbergroch, т. е. 180 верстъ—2 р. 48 коп. сер.) и летимъ въ Берлинъ. Въ одномъ вагонѣ съ нами сидятъ гусарскій офицеръ, довольно молчаливый, и Нѣмецъ изъ Стеттина, разговорчивый и любезный чистонѣмецъ. У меня завязался разговоръ съ послѣднимъ. Онъ разсказываетъ о подвигахъ Прусскихъ депутатовъ на первой діэтѣ, собранной въ силу данной Прусскимъ Королемъ конституціи. Вниманіе всей Европы обращено теперь на Пруссію, дѣлающую первый опытъ представительнаго правленія. Нынче, какъ извѣстно, ни одинъ народъ, хотя нѣсколько претендующій на образованность, не можетъ обойтись безъ конституціи. Конституціи, гарантіи, либеральныя учрежденія—все это составляетъ хлѣбъ насущный Западныхъ Европейцевъ. Опытъ и время покажутъ, какъ много можно довѣрять всѣмъ этимъ представительствамъ и способны ли формы правленія быть главнымъ условіемъ благосостоянія государствъ. На все бываетъ мода, и въ этомъ случаѣ всегдашніе учители Европы и въ важномъ и въ мелочахъ—Французы. Прусаки, славящіеся своимъ просвѣщеніемъ, никакъ не могли перенести, что они были до сихъ поръ лишены этихъ представительныхъ формъ. Съ самаго вступленія Короля они начали требовать конституціи, злились на свое правительство, что оно такъ долго медлило исполненіемъ народнаго желанія—и вотъ наконецъ конституція дана. Les Etats generaux собраны, за ними вѣроятно послѣдуютъ слѣдующіе акты революціонной драмы, той же какъ во Франціи. Это первый

шагъ въ революціи. Нѣмецъ сосѣдъ мой удивляется, что у насъ пропускали газеты съ рѣчами ихъ ораторовъ,—я замѣтилъ ему, что это вовсе для насъ не опасно. Несмотря на раздѣленіе чиновъ на штаты, большинство на первой діэтѣ состояло всегда въ похвалу либеральной оппозиціонной партіи. Мой сосѣдъ увѣряетъ que c'est pour le bonheur de la Prusse. Между прочимъ у насъ завелъ разговоръ о королевской фамиліи. Принцъ Вольдемаръ*), путешествовавшій по Индіи, страстно влюбленъ въ дочь Веттина, такую же поэтически сумасбродную, какъ и мятушка, и хочетъ на ней жениться. Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣдетъ Графъ Арнимъ, давшій замѣтить себя по послѣдней діэтѣ—Il faisait de l'opposition dans de très belles formes! Видный собою мущина съ выразительною физіономіею. Мы ѣдемъ плодородными равнинами Померанія и Бранденбурга. Мимо насъ мелькаютъ роскошные луга, поля, покрытыя обильною жатвою, каналы для орошенія, бережно хранимые лѣса и молодые лѣсочки. Я замѣтилъ, что ѣзда по желѣзной дорогѣ не такъ быстра, какъ у насъ на Павловскомъ Eisenbahn. Безпрестанныя, хотя и непродолжительныя, остановки на станціяхъ. Тутъ всякій торопится genießen—толкотня и суматоха страшная, кто спрашиваетъ вѣчный Kirschkuchen, кто пиво, кто кофе, кто бутербродъ—и ѣда успѣетъ подлѣсти ко рту, какъ слышится снова призывный звонокъ, и всѣ бросаются въ вагоны, потому что вовсе невесело быть брошену на дорогѣ. На одной станціи мальчикъ подноситъ мнѣ и Нарышкину стаканы съ малиною, настоянною въ какой-то жидкости, похожей на сивуху, что-то вродѣ отвратительной limonade. Мы беремъ попробовать и не можемъ пропустить ни одного глотка. „Подавись ты этимъ зильборгрошемъ", закричалъ Нарышкинъ по-русски, расплачиваясь съ мальчикомъ. Я чуть-чуть было разъ не прогулялъ побѣги: вышедъ на минуту, я долго не могъ отыскать потомъ своей линейки, такъ какъ всѣ вагоны одинаковаго вида и цвѣта.

Въ 9 часовъ примчались въ Берлинъ. Здѣсь на embarcadère насъ и Пассековъ подхватилъ услужливый комиссіонеръ, посадилъ въ коляску и повезъ въ Hôtel de Petersbourg. Каждая отель содержитъ своихъ комиссіонеровъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и они какъ птицы бросаются на бѣдныхъ пассажировъ, какъ у насъ купцы въ Гостиномъ Дворѣ, зазывая проходящихъ. Багажъ нашъ остается на станціи, гдѣ берутся достапить его къ намъ въ отель. Все устроено для удобства путешествующихъ, не имѣющихъ своей прислуги. Уже смеркалось, когда мы въѣхали въ Оранienбургскія ворота, ѣдемъ длиннѣйшею улицею Friedrichstrasse. Вотъ и давно знакомая мнѣ улица подъ Липами—Unter den Linden, то же что Невскій проспектъ въ С. П. Б., Кузнецкій Мостъ въ Москвѣ, Boulevard des Italiens въ Парижѣ, Jungfernstieg въ Гамбургѣ. Мы остановились у Hôtel

*) Онъ недавно умеръ.

de S-t Petersb., освѣщенную двумя огр. газовыми фонарями. Швейцаръ возвѣщаетъ звонкомъ о нашемъ прибытіи. Оберъ-кельнеръ (главный дворецкій) съ кельнерами—все красавцы, щегольски одѣтые, принимаютъ и ведутъ насъ въ аппартаменты во 2 этажѣ. Мы съ Людмилою беремъ 2 комнаты. Между тѣмъ спутникъ нашъ Пассекъ, незнакомый еще съ Германіею и съ здѣшними обычаями, безпокоится о багажѣ, боясь, чтобы онъ не пропалъ. Я, зная Нѣмецкую честность и аккуратность, его успокоиваю. Черезъ часъ его приносятъ. Напившись чаю, я съ восхищеніемъ бросаюсь въ роскошную Нѣмецкую постель, сіяющую чистотою и великолѣпіемъ бѣлья. Благословляю тебя, Германія, за твои чудесныя отели! Это конечно лучшее, что въ тебѣ есть!

$\frac{9}{21}$ Іюля. Утромъ заходитъ ко мнѣ Пассекъ и зоветъ меня съ нимъ прогуляться по городу. Я вызвался служить ему чичероне и показать имъ примѣчательности Берлина. Отправляемся пѣшкомъ—Пассекъ съ женою, я и Людмила. Я видѣлъ Берлинъ въ послѣдній разъ въ 1839 году—съ тѣхъ поръ онъ мало перемѣнился въ наружномъ своемъ видѣ; но зато сколько перемѣнъ нашелъ я во внутренней его жизни. Стараго Короля, которымъ держался прежній порядокъ вещей, нѣтъ уже на свѣтѣ; новый Король, замѣчтный ученый, съ пылкимъ воображеніемъ, но вовсе не государственный человѣкъ, вынужденъ былъ скрѣпя сердце уступить нетерпѣливымъ требованіямъ своего народа и даровать ему либеральныя учрежденія. Ко благу ли его Пруссіи—позволительно сомнѣваться. Онъ сочинилъ конституцію по образцу Англійской, въ полу-аристократическомъ духѣ, принявъ за основаніе раздѣленіе общества на классы по сословіямъ. Будучи жаркимъ поклонникомъ исторической школы въ Германіи, Фридрихъ Вильгельмъ III старался привить идеи о госуд. устройствѣ на почвѣ исторіи и преданія, желая такимъ образомъ, не разрушая прошедшаго, помирить его съ настоящимъ. Но этимъ онъ не могъ угодить для Прусскихъ либераловъ; имъ хотѣлось бы укоренить въ Пруссіи чисто-демократическія начала. И вотъ они повели систематическую войну противъ правительства, стараясь возбудить противъ него неудовольствіе народа. Берлинъ и вся Пруссія находятся теперь въ состояніи волненія и раздраженія. Политическія страсти—новость для Нѣмцевъ—разыгрываются все больше и больше; здѣсь только и разговору какъ о послѣдней діэтѣ, рѣчи Короля, конституціи, Ausschüsse и прочихъ.

Переѣхавъ по мосту, на которомъ красуется конная бронзовая статуя Курфирста Фридриха, основателя военной силы Пруссіи, мы направились въ зданіе почтамта.

Берлинъ, отличавшійся прежде военнымъ видомъ да еще ученымъ движеніемъ, принимаетъ нынѣ видъ шумнаго европейскаго города съ политическимъ характеромъ. Нетрудно познакомиться съ Берлиномъ (я говорю только о наружности его); онъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, похожъ на

нашъ Петербургъ. Центръ Берлинской жизни, его сердце, заключено на небольшомъ пространствѣ между Schloss'омъ—Королевскимъ замкомъ и Бранденбургскими воротами; тутъ всѣ его примѣчательныя зданія, все, чѣмъ гордится и славится Берлинъ передъ иностранцами. Здѣсь мрачный Schloss, напоминающій нѣсколько нашъ Зимній дворецъ, но менѣе величественный, а противъ него прекрасное зданіе Музея, лучшее произведеніе Шинкеля, тутъ же по близости Арсеналъ, почитающійся однимъ изъ замѣчательныхъ архитектурныхъ украшеній Берлина; милое зданіе Гауптвахты, построенное въ какомъ-то граціозномъ Аттическомъ вкусѣ съ двумя мраморными статуями, работы Рауха, двухъ Прусскихъ генераловъ—Декневица и Шарнгорста, основателя настоящаго военнаго устройства Пруссіи. А противъ Гауптвахты прекрасная мраморная статуя Блюхера, работы того же Рауха. Старый гусаръ-усачъ, съ его добродушной и мужественной наружностью, опершись рукой на обнаженную саблю, упирается одною ногою на пушку; на плечи небрежно накинута шинель. Это быть можетъ лучшее произведеніе Рауха—я имъ всегда особенно любуюсь. Тутъ же Университетъ, бывшій еще недавно въ такомъ почетѣ, представитель Берлинской жизни, а теперь уже вышедшій изъ моды; два храма другъ противъ друга, католическій и протестантскій, какъ бы въ знакъ терпимости или пожалуй равнодушія нашего вѣка; здѣсь и знаменитая улица Подъ Липами (Unter den Linden)—гулянье Берлинское. Берлинскій Нев. Проспектъ съ лучшими магазинами, отелями, кондитерскими. Вообще Берлинъ много напоминаетъ Петербургъ и своими широкими улицами, и однообразіемъ домовъ, и воинственнымъ своимъ характеромъ, и тѣмъ, что построенъ на плоскости. Но Берлинъ не одной наружностью похожъ на Петерб.,—самая судьба обоихъ городовъ очень сходна,—это два родныхъ брата: обоимъ отъ роду не болѣе полутораста лѣтъ, а между тѣмъ въ такое короткое время они возвысились на степень первоклассныхъ Европейскихъ городовъ и сдѣлались столицами двухъ сильныхъ государствъ; оба обязаны своимъ величіемъ двумъ великимъ государямъ; оба построены на неудобныхъ мѣстахъ, одинъ очень низко, другой очень плоско, и несмотря на эти неудобства, оба постоянно процвѣтающіе, благодаря жизненнымъ силамъ своихъ жителей и въ особенности своимъ государямъ. Впрочемъ Берлинъ не можетъ равняться съ Петербургомъ, такъ же какъ Пруссія и Россія: послѣдній превосходитъ и своими колоссальными размѣрами, и богатствомъ своихъ зданій, и обиліемъ водъ, и своимъ торговымъ движеніемъ; и конечно Берлинъ въ глазахъ нашихъ отъ этого сходства ничего не выигрываетъ. Какъ ни дурно мѣстоположеніе Петербурга, но оно для меня все-таки лучше этой песчаной плоскости, на которой построилась столица Фридриха Великаго. Лѣтомъ въ Берлинѣ духота и сырость отъ песковъ, его окружающихъ, и отъ застоя воды въ трубахъ, по ровности мѣста не имѣющей достаточнаго спуска. Но зато искусствомъ въ обоихъ городахъ много скрасили природу.

Показавъ Пассекамъ и сестрѣ лучшія зданія Берлина, мы ѣдемъ на почту въ Фридрихштрассе, гдѣ былъ я обрадованъ полученіемъ письма отъ родныхъ изъ Владиміра (отъ 24 Іюня). Кто знаетъ, что такое письмо съ родины въ далекой, чужой сторонѣ, тотъ пойметъ нашу радость. Прогулка возбудила въ насъ сильный аппетитъ, и мы обратились къ первому ресторану на этой же улицѣ, съ вывѣской *café français*; здѣсь мы завтракали, и надо отдать справедливость французско-нѣмецкой кухнѣ: насъ накормили очень дурно. Отсюда отправляемся подъ *Липы*, убѣжище всѣхъ Берлинскихъ фланеровъ; тутъ нашли мы множество женщинъ съ корзинами, полными абрикосовъ, вишенъ и персиковъ, на которыхъ нынче урожай страшный. Покупавши преисправно разныхъ фруктовъ, я отправляюсь въ ближайшую книжную лавку купить по просьбѣ Пассека дорожную для него карту; на первомъ планѣ выставлены сочиненія Шницлера и Тургенева о Россіи; нынче моды на Россію, хоть насъ бранятъ, однако нами занимаются,—доказательство, что мы народъ интересный! Во 2 часу наши милые спутники Пассеки уѣзжаютъ mit Dampf въ Гамбургъ, гдѣ Пассекъ, по порученію своего начальника, моск. об. полицмейстера, намѣренъ купить скоропечатную машину для Москов. Полиц. Газеты; на этотъ предметъ ему назначено 10 т. р. сереб., изъ которыхъ 10 процент. онъ надѣется себѣ выбарышничать. Такому порученію нетрѣшно позавидовать!

Наступилъ часъ—обѣда! гдѣ обѣдать—важный вопросъ. Въ прежнее время славилася въ Берлинѣ ресторанъ *Ягора* подъ-Липами; итакъ, мы отправляемся его отыскивать. Оказалось, что Ягора больше нѣтъ на свѣтѣ, и что ему наслѣдовалъ *Mielnetz*, содержащій *Café National* все тамъ же—Unter den Linden. Почтивъ память Ягора приличнымъ воспоминаніемъ, мы обѣдаемъ и весьма порядочно у преемника его. Послѣ обѣда, для довершенія нашихъ наслажденій, располагаемся на террасѣ у *Крамцера* ѣсть мороженое и заѣдать его по здѣшнему обычаю сдобными пирожками-кухенами, между которыми господствуетъ, какъ и по всей Германіи, Kirschkuchen. Я произношу имя Крамцера съ особеннымъ уваженіемъ: оно пользуется заслуженною Европейск. извѣстностью, и для нашей братьи-туристовъ оно, конечно, милѣе имени Гегеля и другихъ соотечественниковъ Крамцера. Нигдѣ въ цѣлой Германіи не приготовляютъ такого славнаго мороженаго, какъ у Крамцера: оно было бы оцѣнено по достоинству и въ отеч. Gelato, подъ благослов. небомъ Неаполя. Когда я въ первый разъ отправлялся въ чужіе края,—покойный Дм. Львъ. Крыковъ, пріятель нашъ, между разными рѣдкостями Берлина, въ особенности рекомендовалъ мнѣ Крамцера, и я былъ душевно радъ встрѣтить попрежнему въ добромъ здоровьѣ моего стараго знакомаго.

Но мы еще не сдѣлали главнаго въ Берлинѣ: не видали здѣшней знаменитости Шеллейна, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая участь нашей за-границею.

Куда, къ какимъ источникамъ должны мы обратиться за здоровьемъ? That is the question! Знаменитый врачъ живетъ на дачѣ, подаренной ему недавно его признательнымъ другомъ за излѣченіе Королевы. Шенлейнъ, кромѣ того какъ отличный врачъ, пользуется еще расположеніемъ Короля, какъ любезный и вѣрный своему государю застольный собесѣдникъ. Sauf le respect que je dois à la majesté—оба они любятъ пображничать. Беру фіакръ и ѣду къ Шенлейну; онъ живетъ за Тиргартеномъ въ красивомъ домикѣ, утопающемъ въ зелени. По несчастію, Herr Doctor нѣтъ дома; его служитель Hausknecht, благодаря всемогущему Trinkgeld, берется нынче же вечеромъ доставить мнѣ отвѣтъ своего господина, когда я могу видѣть его, или когда онъ можетъ посѣтить насъ. Вечеръ чудесный: въ Берлинѣ душно; надо ѣхать куда-нибудь за городъ; приносятъ мнѣ кучу афишекъ, и я на нынѣшній разъ выбираю концертъ Гунгля (дядя того, который потѣшаетъ Петербургскую публику), въ Sommer's Salon. Признаюсь, я страстный любитель Нѣмецкихъ концертовъ на чистомъ воздухѣ: сидишь себѣ въ саду, за кружкою пива, или кофе, съ сигарою во рту и съ беззаботностью туриста, которому ни до кого нѣтъ дѣла, а между тѣмъ васъ утопаютъ классическими созданіями Моцарта и Бетховена, Мендельсона, или увлекательными вальсами Штрауса, Ланнера, къ которымъ можно присоединить новѣйшія имена Фарбаха и Лумбя. Это въ истинномъ смыслѣ слова Genieszen! Иногда тутъ завязываются интересныя знакомства, и мнѣ не разъ случалось кончать вечеръ въ пріятной бесѣдѣ, подъ упоительные звуки этихъ воздушныхъ концертовъ. Это не то, что у насъ въ Павловскѣ, гдѣ все обдаетъ васъ холодомъ—и небо, и люди! Въ этотъ разъ я былъ восхищенъ оркестромъ Гунгля, онъ далеко превосходитъ своего Павловскаго племянника, слышаннаго мною еще недавно. Какая точность, согласіе, одушевленіе въ исполненіи,—каждый музыкантъ, что называется, играетъ отъ души, con amore. Въ концертѣ были исполнены: симфонія Моцарта, прелестный оригинальный вальсъ Ланнера Hexen Walzer, эффектная, хотя и довольно безсмысленная увертюра Доницетти на тему God save the king. У Нѣмцевъ это національный гимнъ, какъ у Англичанъ, какъ прежде и у насъ. Мы расположились съ сестрою за столикомъ и, слушая музыку, глядимъ на толпу гуляющихъ, между которыми особенно тонируютъ Прусскіе офицеры въ синихъ сюртукахъ и съ серебр. эполетами, довольно нескладные и неуклюжіе. Мы недолго остались одни,—къ намъ подсѣла претолстая госпожа, безъ умолку болтающая съ какимъ-то молчаливымъ господиномъ, вѣроятно мужемъ. Она завязала съ нами разговоръ и въ 5 минутъ успѣла намъ разсказать, что она недавно вернулась изъ Парижа, что ей страхъ какъ хочется побывать въ Россіи. „Je vs avoue j'ai la manie de voyager", сказала она,—и du bavardage,—хотѣлъ прибавить я. Уже стемнѣло, когда мы вернулись домой. Нахожу отвѣтъ Шенлейна, увѣдомляющаго меня, что онъ посѣтитъ меня завтра въ XI часовъ безъ четверти. Какая аккуратность!

$\frac{10}{22}$ Іюля. Нынче утромъ шатались по магазинамъ; у оптика встрѣчаю господина съ Анною на шеѣ, торгующаго зрительную трубку. Изъ разговора съ нимъ узнаю, что это Пимикъ, Графъ Забѣлло, и спрашиваю у него о Сарнецкомъ, котораго фамилію видѣлъ въ числѣ пріѣхавшихъ въ Fremden-Blatt,—онъ его не знаетъ. Шенлейнъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ будетъ у меня въ часъ,—я воспользовался свободнымъ временемъ до его пріѣзда, чтобы искупить нѣкоторыя вещи. Когда есть деньги въ карманѣ, всегда много нужды. Чуть-чуть было не прогулялъ Шенлейна; встрѣтившій меня на улицѣ коммиссіонеръ изъ нашей отеля увѣряетъ, что Шенлейнъ проѣхалъ. Я какъ сумасшедшій бѣгу по улицѣ; по счастію онъ еще не пріѣзжалъ.

Въ назначенный часъ является Шенлейнъ. Это человѣкъ лѣтъ 55, довольно полный, съ умною жидовскою физіономіею. Сестра консультируетъ его. Послѣ разспросовъ, продолжавшихся съ полчаса, онъ назначаетъ ей курсъ лѣченія: 3-хъ недѣльное употребленіе Киссингенскаго источника Рагоція и потомъ морское купанье въ Остенде. Изъ разговора съ Шенлейномъ я замѣтилъ, что это умный, опытный врачъ, но черезчуръ важный, занятый собою, своею практикою и болѣе всего другомъ своимъ—Прусскимъ Королемъ. Я хотѣлъ было посовѣтоваться о себѣ, но онъ отложилъ это до другого визита завтрашнимъ утромъ и поспѣшилъ уѣхать. Я отблагодарилъ его двумя червонцами. Посвящаемъ утро на обозрѣніе Берлинскихъ магазиновъ. Въ книжной лавкѣ Ascher'a. Подъ-Липами, хорошо снабженной политическими книгами, которыя теперь для Нѣмцевъ насущный хлѣбъ, то же, что прежде были философскія сочиненія, опять попадаются мнѣ на глаза сочиненія Шницлера и Тургенева. Покупаю Англійскую брошюру, извлеченную изъ Dariew и Руководство по желѣзнымъ дорогамъ. Хозяинъ лавки Ашеръ—жидъ, судя по лицу, человѣкъ очень умный и любезный. Я разговорился съ нимъ о настоящемъ положеніи Пруссіи и послѣдней діэтѣ. Онъ, разумѣется, либералъ, какъ почти всѣ здѣшніе граждане (Bürger), похваливаетъ дѣйствія депутатовъ на діэтѣ, которыми остался очень недоволенъ Король. Они отказали правительству въ займѣ на постройку желѣзной дороги до Кенигсберга. Говорятъ, нашъ Государь предложилъ Королю 15 мил. р. сер. на этотъ предметъ, но Король поблагодарилъ отказался, намѣреваясь справиться съ собственными средствами. Президентъ діэты или такъ называемый Королевскій Комиссаръ-Бодельшвингъ—держалъ себя какъ нельзя лучше. Я спрашиваю у Ашера, какое лучшее сочиненіе о Прусской конституціи и послѣднихъ событіяхъ въ Пруссіи; онъ говоритъ, лучшія статьи о діэтѣ помѣщались въ Independance Belge, на Нѣмецкомъ же языкѣ онъ ничего не можетъ мнѣ рекомендовать, хотя написаны уже сотни томовъ и брошюръ, изъ нихъ составилась уже обширная литература. Ашеръ составилъ для Анатолія Демидова библіотеку книгъ о Россіи; онъ снабжаетъ книгами Г. Клудова. Обѣдаемъ въ Café national; дѣлаемъ по обыкновенію визитъ

Крамплеру, потомъ путешествуемъ по модными магазинамъ. Въ одномъ изъ нихъ, и самомъ великолѣпнѣйшемъ, у Rodde (Hof-Lieferant) оставимся довольно долго,— у Людмилы разбѣгаются глаза на матеріи и канем. шали, поражающія ее своею дешевизною, въ сравненіи съ нашими товарами. Возвращаемся домой утомленные, и цѣлый вечеръ проводимъ дома.

$\frac{11}{23}$ Іюня. Утромъ занимаюсь составленіемъ записки о моей болѣзни для Шенлейна. Онъ пріѣзжаетъ въ 1 часу, читаетъ мою записку, распрашиваетъ меня и наконецъ подаетъ слѣдующее мнѣніе: „боль у васъ не въ хребтѣ, а мѣстная, вслѣдствіе тика, у васъ страдаютъ наружные нервы. По моему мнѣнію, вамъ слѣдуетъ ѣхать въ Бокленъ (по сосѣдству съ Кисингеномъ) и взять курсъ водъ изъ тамошнихъ желѣзныхъ водъ, а потомъ отправиться вмѣстѣ съ сестрицею на морскія купальни въ Остенде. Это будетъ для васъ очень полезно. Кромѣ того я дамъ вамъ мазь (veratrine) для втиранія въ больное мѣсто (erbsen grosse)". По окончаніи консультаціи остается еще нѣсколько минутъ у насъ,—показываетъ мнѣ Бокленъ на моей дорожной картѣ и сообщаетъ о пріѣздѣ въ Берлинъ нашего Наслѣдника. Проводимъ Шенлейна, который хотя занялся нами и наскоро, но все-таки успокоилъ насъ и обнадежилъ, мы отправляемся въ Музеумъ, куда я еще не водилъ Людмилы. Берлинскій Музей уступаетъ Дрезденской и Мюнхенской галлереямъ въ богатствѣ chef-d'oeuvre, но зато превосходитъ ихъ богатствомъ картинъ старинной Нѣмецкой и Итальянской школы; онъ также замѣчателенъ превосходнымъ внутреннимъ устройствомъ, дающимъ возможность съ легкостью и пользою обозрѣвать его сокровища, чему много способствуетъ и каталогъ, мастерски составленный Директоромъ Музея Г. Вагеномъ. Зданіе Музея, построенное по лучшимъ рисункамъ Шинкеля, въ Греческомъ стилѣ, украшено съ четырехъ сторонъ красивыми колоннадами и фресками Корнеліуса. Оно окончено въ 1830 г. и останется всегдашнимъ памятникомъ любви къ искусствамъ покойнаго короля. Передъ Музеемъ поставлена колоссальная гранитная чаша, выдѣланная изъ цѣльнаго гранита, найденнаго въ 30 м. отъ Берлина. На крыльцѣ вы любуетесь бронзовою группою Амазонки на конѣ, сражающейся съ тигромъ; на лѣвой сторонѣ, въ pendant, предполагаютъ поставить группу работы Рауха Широкимъ крыльцомъ вы вступаете въ огромную круглую залу во всю вышину зданія, поражающую васъ своими колоссальными и вмѣстѣ изящными размѣрами; среди залы красуется богатая малахитовая ваза, даръ Императора Николая. Кругомъ залы и въ верхней открытой галлереѣ расположены произведенія ваянія, между которыми, за исключеніемъ *Бронзоваго колосса*, нѣтъ, примѣчательныхъ. Картинная галлерея помѣщается въ верхнемъ этажѣ и занимаетъ огромныя залы, раздѣленныя на 37 отдѣленій или особыхъ кабинетовъ, въ которыхъ картины расположены систематически, по школамъ и въ хронологическомъ порядкѣ. Каждое отдѣленіе имѣетъ свой номеръ, выставленный наверху двери съ обозначеніемъ

школы и эпохи, къ которой принадлежатъ находящіяся въ немъ картины; сверхъ того на стѣнѣ въ каждомъ отдѣленіи вывѣшенъ планъ комнаты съ означеніемъ именъ художниковъ, такъ что вы безъ всякаго затрудненія находите готовую картину. Благодаря такому порядку, вмѣстѣ съ такимъ удобствомъ можно изучать исторію живописи какъ въ здѣшнемъ Музеѣ: тутъ есть представители всѣхъ временъ и школъ, начиная отъ Византіи до современнаго уровня искусства, и всѣ они размѣщены въ историческомъ порядкѣ. Изъ древней живописи особенно замѣчательны произведенія братьевъ Эйковъ, Іоанна и Губерта, почитающихся изобрѣтателями масляной живописи. Это 12 створчатыхъ досокъ, которыя служили дверьми къ знаменитому престольному образу въ церкви Св. Бавона въ Гентѣ,— съ изображеніями разныхъ священныхъ и свѣтлыхъ предметовъ, отличающимися необыкновенно тщательною и вмѣстѣ изящною отдѣлкою; равно примѣчательны картины Мемлинга, одного изъ первыхъ мастеровъ старинной Фламандской школы, мало извѣстнаго въ Европѣ. Его Спаситель на крестѣ—картина, исполненная жизни и истины. Изъ цвѣтущаго періода живописи замѣчательны двѣ картины Корреджіо, *Іо* и *Леда*, составляющія лучшее украшеніе Берл. Музея. Опять любуюсь я все съ тѣмъ же изумленіемъ, какъ и 8 лѣтъ тому назадъ, этими дивными произведеніями искусства. Сюжетъ ихъ извѣстенъ, но не такъ извѣстна странная исторія этихъ картинъ. Онѣ принадлежали регенту Франціи, Герцогу Орлеанскому; сынъ его, кровавой памяти, par prudence, не постыдился срѣзать головки Іо и Леды; послѣднюю онъ изрѣзалъ въ куски. По счастію, картины эти были спасены отъ совершеннаго истребленія и проданы Фридерику Великому, который не посовѣстился украсить ими свой дворецъ въ Санъ-Суси. Головы были имъ приставлены; въ послѣдствіи Іо реставрировалъ Прюдонъ, Франц. художникъ. Леда много пострадала отъ неискуснаго исправленія въ Парижѣ. По возвращеніи самимъ изъ Франціи, Нѣмецкій художникъ возстановилъ ее въ прежнемъ видѣ. Изъ другихъ произведеній замѣчательна огромная картина Рафаэля Madonna di Casa Colonna въ лучшемъ его стилѣ. Тиціановъ портретъ дочери его Лавиніи, Фердинанда Болл—старикъ въ бархатной одеждѣ, читающій книгу, Вандиковы дѣти Карла I съ собакою, дочь Карла въ синемъ платьѣ, необыкновенное богатство картинъ Фламандской и Голландской школъ, извѣстное Тенье-рово Искушеніе Св. Антонія, полное юмора и веселости. Въ образѣ Святаго художникъ изобразилъ самого себя, въ видѣ дьяволовъ молодую свою жену и мать ея; нѣсколько Гольбейновъ и Кранаховъ, послѣдняго любопытенъ портретъ Лютера въ усахъ: превосходный Рембрандтовъ портретъ Адольфа Герцога Гельдр-скаго, грозящаго кулакомъ на отца своего. Рубенса Воскресеніе Лазаря, портретъ его дочери и второй его жены Елены Форманъ. Мурильо Св. Антоній Падуанскій, любующійся Младенцемъ Іисусомъ. Необыкновенное богатство произведеній старинныхъ школъ живописи Нѣмецкой, Итальянской и даже Византійской. Эти начатки но-

кусства особенно интересны. Карт. галлерея открыта ежедневно для публики до 4 часовъ, платы за входъ не полагается, и прислугѣ, одѣтой въ придворную ливрею, строго запрещается брать на водку. Проведя здѣсь нѣсколько часовъ, мы идемъ обѣдать въ Café National, а оттуда опять захожу побалтать къ Аперу. Онъ разсказываетъ мнѣ о пребываніи нашего Государя въ Лондонѣ. Королева Викторія, по словамъ его, простая женщина; elle ne pense qu'aux parures et aux bals. Le Prince Albert a l'esprit de ne se mêler de rien: il a une très belle sinécure, si vous voulez n'est pas même une sinécure, прибавляетъ онъ со смѣхомъ, puisqu'il fait continuellement des enfans. Аперъ былъ недавно въ Лондонѣ и видѣлъ въ British Museum нашего великаго князя Константина, про котораго онъ говоритъ: on voit que c'est un homme très instruit.

Вечеромъ, отъ нечего дѣлать и по страсти къ музыкѣ, опять отправляюсь, но уже одинъ, въ Sommers Salon, къ Гунгелю. Какъ ни хороша музыка, но я соскучился одинъ, не имѣя знакомыхъ. По счастію, ко мнѣ подсѣли какіе-то два Нѣмца, разогнавшіе мою тоску своею наивностью; узнавъ отъ меня, что я Русскій, они поспѣшили объявить это своимъ дамамъ и притащили ихъ съ другого конца сада: „dieser Herr ist aus Moscau", восклицали они нараспѣвъ, какъ это водится въ торжественныхъ случаяхъ, указывая на меня какъ на рѣдкость! Я вспомнилъ пріятеля ихъ Гейне и повторилъ стихъ его: dieses hölzern pedantische Volk!

$\frac{12}{24}$ Іюля. Суббота. Хотѣли было нынче выѣхать, но за нѣкоторыми покупками, которыми необходимо запастись на воды, остались до завтра. Въ одномъ изъ магазиновъ я нашелъ въ хозяинѣ, кажется по фамиліи Левекъ, человѣка очень умнаго и образованнаго. Онъ много разсказываетъ мнѣ о послѣднихъ происшествіяхъ въ Пруссіи. Король, по закрытіи діэты, позвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что онъ очень недоволенъ ихъ поведеніемъ. Надо знать, что діэта, по уваженію послѣднихъ обстоятельствъ, неурожая и по разстройству отъ того всѣхъ дѣлъ, не согласилась на требуемый правительствомъ заемъ для построенія желѣзн. дороги до Русской границы. Недовольный этимъ, Король сказалъ депутатамъ: „эта дорога во всякомъ случаѣ будетъ построена, хотя діэта на это несогласна; я найду для этого нужныя средства". Пруссія много пострадала въ послѣднее время отъ неурожаевъ и отъ неблагоразумныхъ спекуляцій на Eisenbahnen. Капиталы бросались на эти дороги, между тѣмъ акціи упали, и теперь постройки многихъ дорогъ остановились. О знаменитой рѣчи, сказанной Королемъ при открытіи діэты,—никто не зналъ кромѣ министра Тиля; она всѣхъ ихъ какъ громомъ поразила. На основаніи дарованной конституціи должны быть выбраны изъ депутатовъ постоянные комитеты Ausschüsse для засѣданія отъ одной діэты до другой; многія провинціи, недовольныя предоставленными этимъ комитетамъ правами, не приступали къ выборамъ, и комитеты составлялись

непонятные; такъ и осталось. На первомъ Прусскомъ парламентѣ особенно отличились Беккеротъ, Ганземанъ, Фикке (послѣдній особенно горячій либералъ). Это корифеи новой политической партіи; объ нихъ только и разговоры, ихъ портреты выставлены за стеклами магазиновъ, ихъ съ почестью и тріумфомъ встрѣчаютъ на родинѣ. Передъ обѣдомъ, мы Unter den Linden, мы встрѣчаемъ толпу народа и слышимъ вдали музыку. Что такое? Насилу могъ добиться толку: сегодня по какому-то случаю празднество шелковыхъ фабрикантовъ, вѣроятно какой-нибудь юбилей. Нѣмцы до этихъ торжествъ страшные охотники. Процессія, что-то вродѣ нашихъ крестныхъ ходовъ, со знаменами и значками, остановилась передъ дворцомъ Прусскаго Принца—и привѣтствовали его lebe hoch! Принцъ выходилъ на балконъ благодарить ихъ. Какъ жаль, что я, по незнанію, не видалъ празднествъ, происходившихъ по случаю съѣзда со всей Пруссіи членовъ общества стрѣлковъ Schützverein. Праздновали столѣтіе отъ основанія общества при Фридрихѣ; разумѣется, не обошлось было безъ рѣчей, въ которыхъ говорилось объ tiefer Geist dieser Gesellschaft, объ höhern Tendenzen и тому подобное. Какъ смѣшны Нѣмцы съ своими претензіями на глубокомысліе въ маленькихъ дѣлахъ!

Сегодня вернулись изъ Гамбурга Пассеки. Мы пьемъ у нихъ чай и разсматриваемъ сдѣланныя ими покупки; они, какъ новички въ путешествіи, бросались на все въ Гамбургѣ, накупили полотенъ, фуляровъ, сигаръ, ковровъ и порядкомъ опустошили свой карманъ. Куря благородныя гаванскія сигары, мы разговорились съ Пассекомъ о здѣшнемъ Нѣмецкомъ житьѣ-бытьѣ, сравнивали его съ нашимъ православнымъ и невольно увлеклись въ длинныя разсужденія о великомъ назначеніи Россіи, о нашемъ практическомъ умѣ, который за-поясъ заткнетъ умъ Нѣмецкій, о какомъ-то равновѣсіи силъ, входящихъ въ составъ нашего народнаго характера, о религіозныхъ семейныхъ основахъ нашей жизни. Все это говорилось отъ души и просилось съ языка въ здѣшней басурманской сторонѣ. Пассекъ, кажется, заразился Московскимъ понятіемъ—Славянщиной, до которой я небольшой охотникъ, хотя и раздѣляю многія изъ ихъ убѣжденій (разумѣется, за исключеніемъ гоненія на Петра, которымъ особенно горжусь). Между прочимъ, говоря о Кавказѣ, гдѣ съ такою славою палъ недавно братъ его,—у насъ зашелъ споръ о двухъ замѣчательныхъ людяхъ: Воронцовѣ и Ермоловѣ. Отдавая справедливость достоинствамъ перваго, я всегда ставлю Ермолова выше его. Пассекъ противнаго мнѣнія. По моему, Воронцовъ не болѣе какъ замѣчательный человѣкъ, Ермоловъ же геніальный человѣкъ. Вотъ разница между ними. Бесѣдуемъ у Пассека до поздняго вечера, наконецъ прощаемся и быть можетъ надолго. Они остаются въ Берлинѣ консультировать, разумѣется, Шеллейна, и мы завтра чуть-свѣтъ уѣзжаемъ per Eisenbahn въ Дрезденъ, гдѣ мы должны видѣться съ докторомъ Гедеонусомъ; а потомъ дальше на воды.

V. Дрезденъ.

$\frac{18}{28}$ Іюля. Воскресенье. Нынче день нашего отъѣзда въ Дрезденъ, и я встаю чуть не съ солнцемъ, въ 6 часовъ, дабы не прогулять, или скорѣе не проспать, поѣзда по желѣзной дорогѣ. Желѣзныя дороги, кромѣ доставляемыхъ ими огромныхъ выгодъ и удобствъ, приносятъ немаловажную пользу и тѣмъ еще, что пріучаютъ къ аккуратности, къ предусмотрительности и къ умѣнью распоряжаться и разсчитывать своимъ временемъ. На желѣзной дорогѣ ѣхать не надо,—въ назначенный часъ или минуту машина свистнетъ и улетитъ, и ее уже не догонишь. Уложивъ наши вещи, разсчитываюсь съ оберъ-кельнеромъ за постой въ гостинницѣ. Вотъ еще нововведеніе въ Нѣмецкихъ отеляхъ! Прежде, бывало, прислугѣ платили ad libitum, сколько кто могъ или хотѣлъ; теперь же, для избѣжанія вѣроятно непріятныхъ разсчетовъ, плата назначена обязательная,—по 10 зильберъ-гроше въ день. Это, правда, очень покойно, но зато и очень накладно. Расквитавшись со всѣми, ѣду на станцію желѣзной дороги. Здѣсь все къ услугамъ путешественника; вы можете ни о чемъ не хлопотать и должны заботиться только объ одномъ: ежеминутно развязывать вашъ кошелекъ. Такимъ образомъ услужливый коммиссіонеръ изъ нашей отели взялъ наши вещи, уложилъ ихъ въ двухъ такъ называемыхъ *droschken*, посадилъ насъ туда же и привезъ на станцію. Здѣсь взвѣсилъ наши вещи, далъ намъ билеты, указалъ нами мѣста въ вагонахъ и, получивъ отъ насъ достаточное вознагражденіе за свои хлопоты, пожелалъ намъ glückliche Reise! На станціи суета и толкотня страшнѣйшая, всѣ спѣшатъ, торопятся, чтобы не прогулять мѣсти. Я думаю, что отправленіе пассажировъ могло бы быть устроено съ большимъ порядкомъ. Говорятъ, въ Англіи станціонные дома устроены съ большими удобствами, тамъ никогда не бываетъ ни давки, ни суеты. Нѣсколько входовъ и выходовъ, особенные смотрители за порядкомъ, надписи на дверяхъ, все приспособлено къ сохраненію тишины, порядка и къ доставленію удобства пассажирамъ. У насъ въ Петербургѣ этимъ нельзя похвастаться. Въ 7½ часовъ поѣзжъ въ Кётенъ. Экипажи не щегольскіе, ѣзда не слишкомъ быстрая. На станціяхъ, несмотря на краткость остановокъ, страшное истребленіе кирштухановъ, баварскаго пива, кофе и бутербродовъ. Только и слышишь einmal Baierische, zweimal Baierische! Въ Кётенѣ останавливаемся ½ часа и, пересѣвъ въ другіе вагоны, мчимся въ Гамсе. Здѣсь опять полчаса остановки и потомъ ѣдемъ въ Лейпцигъ. Въ Лейпцигѣ намъ даютъ два часа на отдыхъ и, пожалуй, на осмотръ примѣчательностей. Такъ какъ станція за городомъ, то мы беремъ наемный экипажъ и, прокатившись по городу, ѣдемъ обѣдать въ Hôtel de Saxe.

Лейпцигъ—средоточіе Нѣмецкой книжной учености и Нѣмецкой торговли. Это складочное мѣсто умственной производительности всего, что ни выходитъ изъ подъ пера пишущей Германіи. Говорятъ, ежегодные обороты книжной тор-

говли въ Лейпцигѣ простирается до 10 мил. рублей. Здѣсь сосредоточена, можно сказать, вся книжная торговля. Книгопродавцы всѣхъ Нѣм. городовъ и другихъ странъ имѣютъ въ Лейпцигѣ своихъ агентовъ. Во время такъ называемой Пасхальной ярмарки собирается сюда для взаим. разсчетовъ иногда до 600 книгопродавцевъ, имѣющихъ и свою биржу—Buchhändler-Börse.

Въ 1839 году я былъ въ Лейпцигѣ во время осенней ярмарки (Михайловской)—тогда городъ былъ оживленъ, а теперь мы нашли его совершенно мертвымъ. Наскоро показалъ я сестрѣ Рыночную площадь (Marktplatz), обставленную старинными зданіями, между которыми особенно примѣчательна Ратуша. На этой площади съѣхались союзные государи послѣ Лейпцигской битвы въ 1813 г. Тутъ же указали намъ на историческій домъ, такъ называемый Königshaus, гдѣ жили курфирсты и короли, въ которомъ находился Наполеонъ во время Лейпцигскаго сраженія, и гдѣ умеръ въ 1820 г. фельдмаршалъ союзныхъ войскъ Шварценбергъ. Тутъ же рядомъ и извѣстный цѣлому міру *Ауербаховъ погребъ*, въ нижнемъ этажѣ стариннаго дома, знаменитый по воспоминаніямъ о Фаустѣ и Гете. Лейпцигъ извѣстенъ еще своими вкусными жаворонками, которыхъ въ этотъ разъ я не успѣлъ попробовать. Мы спѣшили наскоро пообѣдать и послѣ обѣда тотчасъ отправились обратно на амбаркадеру; въ 5 часовъ летимъ дальше въ Дрезденъ. Нашъ вагонъ полонъ пассажировъ, и все Нѣмцевъ-говоруновъ. Мы съ сестрою усѣлись въ углу и могли свободно наблюдать надъ этими господами. Особенное вниманіе наше обратилъ на себя одинъ господинъ въ синемъ фракѣ, съ бѣлыми усами и шпорами, вѣрно, отставной кавалеристъ. Онъ, едва усѣлся на своемъ мѣстѣ, какъ уже началъ разсказывать своимъ сосѣдямъ съ величайшимъ жаромъ предлинныя исторіи: сначала дѣло шло о мундирахъ и форменныхъ отличкахъ; потомъ словоохотливые Нѣмцы перешли къ *Befreiungs-Krieg*, любимый ихъ конекъ! Кто путешествовалъ по Германіи, тому извѣстно, что говорится обыкновенно въ этихъ случаяхъ.

Если вы до сихъ поръ простодушно вѣрили исторіи, что Россія указала другимъ народамъ путь къ освобожденію, что она своею кровью искупила

Европы вольность, честь и миръ,—

то, послушавъ разсказы Пруссаковъ, вы должны разувѣриться, разубѣдиться. Освободители Европы были они, желѣзные сыны Пруссіи, чуть ли не они спасли и Россію. Зная объ этой Германской гордости еще изъ прежнихъ моихъ путешествій, я мало обращалъ вниманія на ихъ разговоры и преспокойно разсматривалъ карту желѣзныхъ дорогъ; на бѣду, мой сосѣдъ-усачъ пришелъ въ такой неистовый восторгъ, такъ сильно началъ кричать и размахивать руками, что я долженъ былъ отъ него посторониться. Мы ѣхали равниною, на которой происходила Лейпцигская битва 1813 г. Сосѣдъ мой, указывая на мѣсто сраженія и разсказывая въ подробности, какъ происходило дѣло, дико кричалъ bataillonen,

schwadronen, artillerie, cavallerie, и размахивая руками, велъ аттаку прямо на мой носъ. Я потерялъ терпѣніе и замѣтилъ Нѣмцу, что мы здѣсь не въ сраженіи, и попросилъ его меня не безпокоить. Горячій разсказчикъ, какъ бы не слыхавъ моего замѣчанія, продолжалъ болтать попрежнему. Къ счастію, мы скоро остановились, но энергическій Нѣмецъ и тутъ не унялся; разгоряченный своими разсказами, онъ спѣшилъ выйти изъ вагона и безъ церемоніи толкнулъ меня въ спину, чтобы я далъ скорѣе ему дорогу. Я обернулся и энергически сказалъ, что между порядочными людьми этакъ не водится. Вотъ вамъ образчикъ Германской вѣжливости. На половинѣ дороги, между Лейпцигомъ и Дрезденомъ, меня очень позабавило маленькое, непріятное происшествіе съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, Московскимъ жителемъ, молодымъ Монигетти. На одной изъ станцій, гдѣ останавливаются только на минуту, Монигетти побѣжалъ за нуждою. Онъ уже спѣшилъ назадъ и былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вагона, какъ вдругъ машина свистнула и полетѣла, оставивъ бѣднаго Француза въ отчаяніи; онъ еще долго бѣжалъ съ распростертыми руками, но неумолимый паровозъ не тронулся его мольбами. Мать Монигетти, которая отъ самаго Петербурга, какъ я имѣлъ случай замѣтить это на пароходѣ, все тревожилась и заботилась о сынѣ, боясь, чтобы онъ не заболѣлъ, не опоздалъ и тому подоб.,—должна была тутъ смотрѣть изъ вагона, какъ бросили ея милаго сына. Бѣдная была просто въ отчаяніи. „J'ai toujours parlé à Alexandre qu'il lui arriverai quelque accident", говорила она со слезами. Я старался утѣшить ее, увѣряя, что за нами вскорѣ же идетъ другой поѣздъ, который возвратитъ ей возлюбленное чадо ея.

Ѣзда по желѣзной дорогѣ порядочно утомляетъ; я чувствую какое-то разслабленіе въ ногахъ; надо сказать, что и самые экипажи довольно тряски. Подъ Дрезденомъ проѣзжаемъ огромный тоннель, который не считаютъ нужнымъ освѣщать. Признаюсь, нельзя удержаться отъ нѣкотораго чувства страха, когда, сломя голову, съ оглушительнымъ шумомъ, летишь подъ землею, гдѣ не видать ни зги.

Уже смерклось, когда мы примчались въ Дрезденъ и остановились у богато освѣщенной газомъ амбаркадеры. Началась суматоха и выгрузка вещей и пассажировъ. Оставивъ на станціи нашу поклажу, мы отправились искать себѣ квартиры. Ѣздили по всѣмъ отелямъ, вездѣ биткомъ набито; наконецъ нашли себѣ пріютъ въ Hôtel de l'Europe на Altmark'ѣ. Помѣщеніе порядочное, и я съ удовольствіемъ кинулся въ объятія теплой постели. Вотъ за этотъ комфортъ Нѣмцамъ спасибо!

$\frac{14}{26}$ Іюля. Нынѣшнее утро, заплативъ сначала обычную дань разнымъ магазинамъ, мы посвятили на осмотръ лучшей Дрезденской примѣчательности: *Картинной Галлереи*, открытой въ лѣтніе мѣсяцы съ 9 ч. по 1 часъ п. пол. Много разъ бродилъ я по этимъ заламъ въ прежніе годы и нынче съ тѣмъ же, если

еще не съ бо́льшимъ, удовольствіемъ, вступилъ я въ этотъ міръ искусства. Дрезденская галлерея, по многочисленности картинъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между художественными собраніями въ цѣломъ мірѣ; по богатству же образцовыхъ произведеній Итальянской школы, она первенствуетъ между всѣми коллекціями по сю сторону Альповъ. Хорошо знакомый съ мѣстностью и расположеніемъ галлереи, я успѣлъ показать сестрѣ только главныя, лучшія картины. При входѣ въ первой залѣ васъ останавливаетъ *Мадонна* Мурильо,—свѣтлое, лучезарное изображеніе Богоматери, исполненное какой-то нѣги, хотя чуждое той отрѣшенности отъ всего земнаго, составляющей главный характеръ Рафаэлевыхъ Мадоннъ. Его же прелестная, дышащая жизнью картина—дѣвочка-мулатка съ голою шейкой считаетъ вмѣстѣ съ матерью-старухою вырученныя за фрукты деньги; передъ ними лотокъ съ фруктами. А вотъ виды Канале́тто, дышащіе зеленоватымъ цвѣтомъ лагунъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ галлереяхъ,—много Рубенсовъ, одного изъ плодовитѣйшихъ художниковъ. Его охота за львами, Страшный Судъ, не чуждый обычнаго недостатка Рубенса—насильственнаго положенія фигуръ; jardin d'amour, портретъ женщины, выходящей изъ ванны,—негръ подаетъ ей письмо. Съ наслажденіемъ остановился я передъ *Охотою*—Рейсдаля. Никто лучше его не умѣлъ живописать бѣдную, сѣренькую природу Овъера, нашу родимую мать-природу. Въ глубокой чащѣ лѣса бѣжитъ лѣнивый ручей, деревья обнажены, небо свинцомъ лежитъ надъ ландшафтомъ, такъ и чувствуешь осеннюю свѣжесть, но охотникамъ тепло, въ нихъ играетъ кровь и жизнь: они скачутъ за оленемъ, летящимъ какъ стрѣла. Но лучшіе перлы Дрезденской галлереи—это произведенія Рафаэля и Корреджіо. Сикстинская Мадонна едва ли не лучшее произведеніе Рафаэля. Она писана имъ незадолго до смерти, находясь въ Піаченцѣ и пріобрѣтена курфирстомъ Августомъ III за 17 т. червонцевъ. Картина эта не привлечетъ васъ съ перваго взгляда, она не отличается внѣшнимъ блескомъ и какъ бы по скромности заслоняется другими картинами. Пожалуй, Батоніева Мадонна въ ярко голубой одеждѣ поразитъ васъ больше. Но когда вы вглядитесь въ Сикстинскую Мадонну, передъ вами предстанетъ уже не картина, а божественное видѣніе. Душа ваша невольно возносится съ Богоматерью надъ всѣмъ земнымъ. Вы не оторвете глазъ отъ этого глубокаго до безконечности, спокойнаго, неподвижнаго взора Божественной Дѣвы, отъ вдохновеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго какой-то степенной важности выраженія Младенца, въ которомъ уже видѣнъ Спаситель человѣчества, отъ прелестныхъ головокъ двухъ ангеловъ, дышащихъ разумомъ и дѣтскимъ простодушіемъ, граціозно поддерживающихъ у подножія этого видѣнія, наконецъ—отъ двухъ фигуръ коленопреклоненныхъ, съ одной стороны, прекрасной лицомъ и юностью Варвары Великомученицы, съ другой—Первосвященника Папы Сикста, давшаго названіе картинѣ.

Корреджіева *Ночь* много пострадала отъ неискусныхъ реставраторовъ. Но

со всѣмъ тѣмъ и въ теперешнемъ видѣ это одно изъ замѣчательныхъ твореній искусства. Какой-то критикъ назвалъ ее *падшимъ ангеломъ!* Сліяніе свѣта, лучезарно исходящаго изъ лица Младенца, съ окружающимъ мракомъ ночи—перлъ творчества. Тутъ же по близости и прелестная грѣшница—Магдалина, небольшая, замѣчательная совершенствомъ отдѣлки, оконченности, du fini. Его же три огромныя картины, изображающія Святое Семейство, окруженное святыми и ангелами. Одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ Wolkenreiter, ибо пылкая фантазія художника изобразила въ ней малютку-ангела, сидящимъ верхомъ на облакѣ. Изъ Рафаэлевой школы замѣчательна копія со знаменитой его Madonna del Sedia, находящейся во Флоренціи и которой, по увѣренію знатоковъ, она ни въ чемъ не уступаетъ. Копія эта писана однимъ изъ учениковъ Рафаэля, avec l'assistance du maître. La vierge au bassin Джуліо-Романо: Младенца Іисуса купаютъ, Іоаннъ Креститель льетъ на него воду изъ сосуда. Эта картина дышитъ прелестью домашней семейственной жизни. Изъ школы Леонардо да Винчи—Иродіада въ зеленой бархатной одеждѣ, значительное, но непріятное лицо. Прелестна Цецилія—Карла Долче, играющая на органѣ. Дрезд. галлерея богата твореніями Тиціана: здѣсь его Christus della moneta, поражающая совершенствомъ и отчетливостью отдѣлки. Венера—прелестная нагая женщина, покоющаяся на львиной кожѣ; передъ нею молодой человѣкъ играетъ на лютнѣ; нѣжность тѣла удивительная; у красавицы колѣнки зардѣлись какъ у живой. Его же другая Венера—полустыдливая и еще болѣе соблазнительная! Изъ другихъ картинъ особенно замѣчательны: Паоллы Веккіо Святое Семейство и портреты полногрудыхъ его дочерей (у меня есть литографіи съ этихъ картинъ); огромныя картины Веронеза изъ земной жизни Спасителя: *Ecce Homo* Гвидо-Рени и нѣсколько Рембрандтовъ, между которыми особенно памятенъ мнѣ портретъ самого художника—гуляки съ открытымъ смѣющимся лицомъ, въ испанскомъ костюмѣ; одной рукою онъ поднялъ надъ головою бокалъ съ игристымъ виномъ, готовясь пить за здоровье своей подруги, которая кокетливо поглядываетъ на зрителей.

Въ часъ запираютъ галлерею, и мы принуждены выйти. Обѣдали мы за общимъ столомъ въ Hôtel de Saxe, которая почитается лучшимъ Дрезденскимъ отелемъ. Она занимаетъ великолѣпный домъ; особенно хороша огромная зала, въ которой мы обѣдали; она расписана въ помпейскомъ вкусѣ. Послѣ обѣда ѣздилъ я къ доктору Гедеміусу и не засталъ его дома, оставилъ у него приглашеніе къ намъ завтра утромъ. Вечеръ провели мы на Брюлевской террасѣ—это лучшее Дрезденское гульбище, и дѣйствительно нельзя набрать другого болѣе живописнаго мѣста. Терраса устроена на лѣвомъ крутомъ берегу Эльбы, передъ вами разстилается панорама города, мостъ черезъ Эльбу, красивая рѣка, вдали виднѣются синія возвышенности Швейцаріи. Вообще здѣшняя природа, не отличаясь величіемъ и грозными красотами Альпійской Швейцаріи, ни лазурнымъ небомъ Италіи, при-

влекаетъ васъ какою-то миловидностью, скромными романтическими красотами. Das ist niedlich, какъ говорятъ Нѣмцы. Я вспомнилъ, съ какимъ восхищеніемъ наслаждался я видомъ съ Брюлевской террасы въ первое мое путешествіе, въ пору первой моей юности. Природа все также прекрасна, но увы!—я уже холоднѣе смотрю на нее. Вѣдь я недаромъ прожилъ 7 лѣтъ! На террасѣ мы находимъ толпу сидящихъ подъ липами Нѣмцевъ, читающихъ, курящихъ и ѣдящихъ; въ галлереѣ оркестръ исполняетъ новѣйшія музыкальныя произведенія. Увлекшись общимъ примѣромъ, мы спросили себѣ какихъ-то пирожковъ; вскорѣ слухъ нашъ поражаютъ Русскія слова: невдалекѣ отъ насъ двое молодыхъ людей съ жаромъ разговариваютъ по-Русски. Одинъ изъ нихъ воинственной наружности, съ подвязанною рукою. Быть можетъ, этотъ юноша пріѣхалъ лѣчить свою рану, полученную въ сшибкѣ съ Горцами. Воображеніе рисовало намъ героя; не желая разубѣждаться въ этомъ, мы не сочли нужнымъ удостовѣриться въ нашихъ предположеніяхъ, и наши земляки донынѣ остались намъ незнакомцами.

$\frac{16}{27}$ Іюля. Нынче утромъ посѣтилъ насъ докторъ Геденіусъ. Онъ пользуется извѣстностью между нашими земляками и Англичанами. Это человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ, чопорно одѣтый, въ бѣломъ галстухѣ. Онъ долго и внимательно распрашиваетъ о здоровьѣ меня и сестру, и взявъ отъ меня описаніе моей болѣзни, обѣщаетъ посѣтить насъ завтра и тогда сказать свое мнѣніе. Вообще онъ кажется намъ человѣкомъ; и внимательность его, и доброе лицо внушаютъ къ нему довѣріе. Дай Боже, чтобы мы не обманулись. Нынѣшнее утро опять посвящаемъ картинной галлереѣ. Я нахожу въ ней противу прежняго нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ расположеніи картинъ. Вчера осматривали большею частію произведенія Итальянской школы, сегодня обращаемъ больше вниманія на произведенія Голландской, Фламандской и Нѣмецкой школъ. У насъ обыкновенно смѣшиваютъ Голландскую и Фламандскую живопись, тогда какъ онѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга и могутъ быть разсматриваемы какъ двѣ отдѣльныя независимыя школы. Правда, что у той и другой главный предметъ: изображеніе частной домашней жизни, во всей ея дѣйствительности; но характеръ изображенія совершенно различенъ. Нидерландская школа преимущественно любила живописать предметы, окружающіе человѣка въ повседневной его жизни, его будничный домашній міръ, у очага, безъ всякихъ прикрасъ, не думая идеализировать, оставаясь вѣрной природѣ. Все это мелочные предметы, здѣсь нѣтъ ни изображенія страстей, ни творческихъ помысловъ, все обыкновенно, но въ этой-то вѣрности природѣ, дѣйствительной жизни и заключается главное ея достоинство. Она умѣла возвысить до истинной художественности все, что ежедневно движится и проходитъ передъ нашими глазами, всю мелочь жизни, торговку на рынкѣ, мальчика, пускающаго мыльные пузыри, цвѣты, фрукты, дичь, пляску у кабака, стадо пасущагося скота, табунъ лошадей, и все это изображала

ова, не говоря уже объ искусствѣ въ техническомъ отношеніи, съ такимъ тактомъ дѣйствительности, не уродуя, не ломая оную, такъ просто, такъ почти безыскусственно! Представители этой школы: Рембрандтъ, Теньеръ, Остаде, Міерисъ, Метцу, Жераръ Дау, Терборгъ, Жанъ Стинъ, Вувермансъ, Поль-Поттеръ, Рюисдаль, Бергемъ, Гоббема, Вандерхельде, Виникесъ, Врейгель, Де-Геемъ. Фламандская школа, не чуждаясь этого натуральнаго направленія, получала отъ своихъ основателей болѣе духовный, религіозный и историческій характеръ. Братья Ванъ-Эйки, Мемлингъ изображали священные предметы. Послѣдніе же представители Фламанд. живописи Рубенсъ и Ванъ-Дикъ расширяютъ предметы ограниченнаго міра, въ которомъ до того заключали себя ихъ соотечественники. Они уже составляютъ переходъ отъ Нидерландской и Нѣмецкой школъ къ Итальянскому искусству. Между произведеніями разныхъ школъ мы любуемся цѣннымъ собраніемъ пастельныхъ рисунковъ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ Рафаэлю Менгесу, Дрезденскому художнику, и Ліотару, котораго La belle chocolatière памятна всѣмъ бывшимъ въ Дрезденѣ.

Сегодня обѣдали въ отели, содержимой Русскимъ—Гайдуковымъ, и ѣли Русскую капу. Этотъ Гайдуковъ великій плутъ и пройдоха. Онъ былъ крѣпостной человѣкъ и метръ-дотель Г. Варышникова. Вѣроятно, сбѣжалъ отъ него, скопилъ деньжонокъ, подбился къ какой-то Нѣмкѣ, которая ссудила деньгами, и открылъ въ Дрезденѣ великолѣпную отель. Говорятъ, однако, что онъ запѣлъ дѣло не по силамъ, запутался и близокъ къ разоренію. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у подъѣзда и самъ предсѣдательствовалъ за обѣденнымъ столомъ, котораго, несмотря на всю нашу снисходительность къ земляку, нельзя назвать хорошимъ. За table d'hôte мы нашли двухъ соотечественниковъ, съ которыми тотчасъ и познакомились. Это Г. Пукаловъ, давно выѣхавшій изъ Россіи, родственникъ дамы, которая дастъ балы въ Москвѣ, и несчастный Дегалетъ, морской офицеръ, почти потерявшій зрѣніе по милости заграничныхъ медиковъ; раздражительный до крайности, онъ ругаетъ все и всѣхъ и въ особенности Нѣмецкую медицину.

Вечеръ опять проводимъ на Брюлевской террасѣ—это лучшее мѣсто для гуляковъ и для лѣнивыхъ, подобно мнѣ, людей. Сидя себѣ преспокойно за чашкою кофе, и еще наслаждаешься за нѣсколько грошей прекрасною музыкой.

$\frac{10}{22}$ Іюля. Нынче опять посѣтилъ насъ Геленіусъ и обѣщалъ завтра дать рѣшительный отвѣтъ. Гуляемъ по городу, я показываю сестрѣ католическую придворную церковь близъ дворца, съ которымъ она соединяется посредствомъ арки. Это, кажется, единственная католическая церковь въ цѣломъ городѣ, потому что, кромѣ Королевской фамиліи, измѣнившей отцовской вѣрѣ, которой она была первымъ и горячимъ послѣдователемъ, все прочее населеніе Саксоніи — протестанты. Мимоходомъ заглянули въ Frauenkirche, построенную вся изъ дикаго камня и безвредно выдержавшую пули и ядра Фридриха Вел. Потомъ мы отправляемся пѣшкомъ

черезъ мостъ, исторически знаменитый своимъ разрушеніемъ въ 1818 г. и возстановленіемъ на счетъ Россійскаго Императора. Мы оставили по себѣ прекрасную память на Западѣ, и что бы ни говорили о насъ наши недоброжелатели, но они не въ силахъ исказить исторіи, которая краснорѣчиво возвышаетъ свой голосъ. Дрезденскій мостъ почитается однимъ изъ замѣчательныхъ сооруженій въ Германіи. Онъ пострадалъ отъ Дяву въ 1813 году и отъ льда, кажется, въ 1846 году. Въ Нейштадтѣ, или новой части города, осматриваемъ *Японскій Дворецъ* съ его прекрасными садами—великолѣпный загородный домъ Саксонск. Королей, славившихся своею роскошью и богатствомъ, нынѣ обращенный въ музей.

Вечеромъ были въ театрѣ, давали оперу *Страделла*, соч. Флоттона. Театръ этотъ, который я видѣлъ недостроеннымъ въ первое мое путешествіе, окончился въ 1841 г. Зданіе отличается какъ наружною архитектурою, такъ и внутреннимъ удобствомъ расположенія. Въ этотъ разъ мы не видали и не слыхали ни одной изъ Дрезденскихъ сценическихъ знаменитостей. По случаю лѣтнихъ вакацій онѣ разсѣялись по цѣлой Германіи и пожинаютъ лавры съ талерами въ другихъ городахъ. Не было ни тенора Тихачека, котораго когда-то я видѣлъ въ Гугенотахъ, ни Шредеръ Девріентъ, устарѣлой, но все еще привлекательной актрисы и пѣвицы. Оркестромъ Дрезденской оперы управляетъ Рейсигеръ, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ своими квартетами, не глубокими, но очень милыми, граціозными произведеніями. Первую скрипку въ здѣшнемъ оркестрѣ исполняетъ знаменитый Липинскій. Мы нашли въ театрѣ немногочисленную публику; въ одной ложѣ обращала на себя вниманіе какая-то красавица съ пагубными взглядами и съ не менѣе пагубнымъ чудовищнымъ букетомъ. Взоры молодежи были устремлены на нее, и, какъ кажется, это знакомая имъ всѣмъ львица du bas etage. Но я ничего не скажу о самой оперѣ *Страделла*. Это произведеніе новѣйшаго композитора Флоттона, не безъ достоинствъ; легкая, игривая, пріятная музыка ея слушается съ удовольствіемъ.

VI. Отъ Дрездена до Франкфурта.

$\frac{17}{29}$ Іюля. Нынче утромъ Гелсіусъ рѣшилъ нашу участь. Онъ объявилъ намъ, что по его мнѣнію Гомбургскія минеральныя воды предпочтительнѣе Киссингена для обоихъ насъ, и потому онъ совѣтуетъ взять курсъ водъ въ Гомбургѣ, заключить лѣтнее лѣченіе купаньемъ въ Остенде и зиму провести въ тепломъ климатѣ въ Италіи или на югѣ Франціи. Доводы его были такъ убѣдительны, онъ умѣлъ внушить къ себѣ такое довѣріе, что я перекрестясь рѣшился послѣдовать его совѣту. Итакъ рѣшено, мы ѣдемъ въ Гомбургъ. Гелсіусъ даетъ намъ рекомендательное письмо къ тамошнему врачу Траппу, мы же пишемъ въ Россію о перемѣнѣ нашего маршрута и просимъ вмѣсто Киссингена обратить нашу корреспонденцію въ Гомбургъ. Прощаемся съ Дрезденомъ, пожалѣвъ, что по краткости времени не удалось мнѣ въ этотъ разъ побывать въ Саксонской Швейцаріи.

о которой осталось у меня воспоминаніе столь же сладкое, какъ о первой любви. Въ 1 часъ садимся въ вагонъ и по знакомой дорогѣ летимъ обратно въ Лейпцигъ, въ 5 часовъ выѣзжаемъ изъ Лейпцига въ Галле. Въ Галле остановились на столько времени, чтобы взять билетъ и ѣхать по новому, недавно отстроенному Thuringischer Eisenbahn, до Эрфурта. По милости паровъ мы только на лету видѣли Вейсенфельсъ, гдѣ похоронены останки Густава Адольфа, и гдѣ успѣлъ я замѣтить домъ, въ которомъ почевалъ Наполеонъ послѣ Лейпцигскаго сраженія. Живописно расположенный въ садахъ и въ виноградникахъ, городокъ Наумбургъ съ его готическимъ соборомъ, мѣстечко Пфорта съ образцовымъ воспитательнымъ заведеніемъ, существующимъ три вѣка, гдѣ учились Лессингъ и Клопштокъ; въ сумеркахъ промчались мы черезъ классическій и нынѣ забытый Веймаръ; слѣдов. ничего не видали. Въ Эрфуртѣ остановились ночевать, потому что дальше въ Веймарѣ нѣтъ ночного поѣзда. Надо отдать справедливость этой желѣзной дорогѣ: хотя ѣзда по ней, какъ и вообще въ Германіи, не самая быстрая, зато чрезвычайно спокойная и комфортабельная; вагоны помѣстительные и щегольскіе, порядокъ на дорогѣ примѣрный, даже есть къ вашимъ услугамъ salon или общій залъ, въ которомъ вы найдете мягкую мебель и столы съ газетами. Въ Эрфуртѣ насъ провели въ какую-то гостинницу, которой и самое имя не осталось въ моей памяти.

$\frac{18}{30}$ Іюня. На другой день оставъ рано, я написалъ письмо въ Россію къ Андрею Засѣцкому и потомъ, забравъ наши пожитки, отправились на станцію желѣзной дороги; отдаленность амбаркадеры отъ гостинницы доставила намъ случай видѣть Эрфуртъ. Съ виду это прескучный и премрачный городъ; когда-то въ средніе вѣка это было оживленное мѣсто, черезъ которое лежалъ торговый путь изъ Юж. Европы въ Сѣверную. Въ немъ много памятниковъ старины, но больше всего здѣсь памяти о Лютерѣ. Здѣсь онъ жилъ скромнымъ монахомъ нѣсколько лѣтъ, пока судьба не бросила его изъ темной кельи на болѣе обширное поприще. Въ 9 час. утра, по приходѣ перваго утренняго поѣзда изъ Веймара, мы садимся въ вагонъ и ѣдемъ далѣе; не доѣзжая Готы, оставляемъ Пруссію и вступаемъ во владѣнія Саксонскихъ герцогствъ. Въ Готѣ, знаменитой своимъ Альманахомъ и составлявшей попеременно съ Кобургомъ резиденцію Герцога Саксенъ-Кобургскаго,—этомъ питомникѣ невѣстъ и жениховъ для Европейскихъ дворовъ.—останавливаемся нѣсколько минутъ. Я въ Готѣ ровно ничего не видалъ кромѣ станціи жел. дороги. Затѣмъ мы въѣзжаемъ въ главный городъ Тюрингіи Эйзенахъ, принадлежащій Саксенъ-Веймару и отдѣленный отъ своей родины Прусскими и Саксенъ-Готскими владѣніями. Эйзенахъ знаменитъ не самъ собою, а сосѣдственнымъ замкомъ Вартбургъ, куда всѣ добросовѣстные путешественники почитаютъ долгомъ своимъ сдѣлать прогулку, въ память заключенія Лютера. Мы удовольствовались тѣмъ, что взглянули на него изъ улицъ Эйзенаха.

Здѣсь мы должны были проститься съ Eisenbahn и (такъ какъ далѣе дорога еще не готова) избрать другой способъ сообщенія для достиженія Франкфурта, до котораго оставалось еще 23 Нѣм. мили (161 вер.). Намъ предстояло три способа къ отъѣзду: или нанять мѣста въ дилижансѣ, или ѣхать на долгахъ съ Lohnkutscher'омъ, или наконецъ по экстра-почтѣ. Мы предпочли послѣдній способъ, какъ наиболѣе удобный и скорый, хотя и сопряженный съ большими издержками. Ѣзда на почтовыхъ въ Германіи весьма накладна для кармана: среднимъ числомъ можно положить, что 1 почтовая лошадь по нашу версту обходится не менѣе 8 коп. серебр., вообще же, сравнительно съ нашею ѣздою на почтовыхъ, она стоитъ безъ малаго вдвое дороже (разсчитывая на 2 лошади въ Германіи и на 3 въ Россіи, такъ какъ менѣе этого числа у насъ нельзя запрягать). Зато въ Германіи удобно тѣмъ, что можно ѣхать на почтовыхъ, не имѣя своего экипажа, ибо на всѣхъ станціяхъ есть рессорныя коляски, не очень красивыя, но всегда не въ примѣръ удобнѣйшія, чѣмъ наши телѣги. Обѣдаемъ наскоро въ какой-то отели; за столомъ много смѣялись надъ нашей *Людисей*, которая съ трудомъ могла рѣшиться сѣсть съ нами вмѣстѣ за обѣдъ, и по милости смущенія, для перваго дебюта, разлила какой-то красный соусъ, что весьма огорчило содержателя гостинницы. Послѣ обѣда намъ привели пару лошадей въ почтовой коляскѣ, и мы, кое-какъ расположившись, поплелись, а не помчались, по дорогѣ во Франкфуртъ. Путь нашъ пролегалъ черезъ Тюрингскій лѣсъ. По милости гористаго мѣстоположенія и флегматической медленности Нѣмецкаго шлагера, мы въ полкомъ смыслѣ не ѣхали, а тащились. Несмотря на живописную природу, на прекрасное лѣтнее время, мы потеряли всякое терпѣніе и никогда не забудемъ этого переѣзда. Мы ѣхали ровно 24 часа до Франкфурта. Поневолѣ вспомнили здѣсь лихую ѣзду на почтовыхъ, нашъ колокольчикъ и удалого ямщика!

$\frac{19}{31}$ Іюля утромъ проѣхали черезъ знакомый мнѣ городокъ Ганау, въ которомъ живетъ славящійся, особенно между Русскими, кривой Нѣмецъ, Докторъ Коппъ, украшенный нашимъ Владим. орденомъ. Ему какъ-то посчастливилось на Русскихъ: онъ лѣчилъ Языкова, живущаго въ Ганау и написавшаго тутъ нѣсколько изъ своихъ прекрасныхъ послѣднихъ стихотв., лѣчилъ онъ Мельгунова, Кн. Вяземскаго, лѣчилъ онъ и меня, грѣшнаго. „Lebt noch, erlaube mir Herr Doktor Kopp?" спросилъ я на станціи при перемѣнѣ лошадей.—„Ja wohl, Herr Medicinalrath lebt immer hier und in guter Gesundheit!"—„Gott sey gelobt", отвѣтилъ я. Ганау памятенъ мнѣ еще тѣмъ, что я здѣсь въ 1838 г. забылъ въ гостинницѣ сумку съ 1000 фр., которую черезъ два дня получилъ обратно въ цѣлости!

Во второмъ часу, среди лѣтняго знойнаго дня, палящимъ солнцемъ, въѣзжаемъ во Франкфуртъ, что на Майнѣ. Я привѣтствовалъ Франкфуртъ какъ стараго знакомаго, съ которымъ всегда пріятно снова увидѣться. Мы остановились въ

гостинницѣ *Бѣлаго Лебедя*, знакомой мнѣ отели, но гдѣ меня ужъ не узнали. Намъ отвели комнатку чуть не въ пятомъ этажѣ; гостинница биткомъ набита. Отдохнувъ отъ утомительнаго путешествія, показавшагося намъ за 1000 верстъ, мы посѣтили съ Людмилой нѣсколько магазиновъ, полюбовались выставкой товаровъ, особенно бронзы и галант. вещей на Zeil, зашли къ Jügel, тоже старому знакомцу, сдѣлали нѣкоторыя закупки для предстоящаго намъ пребыванія въ Гомбургѣ и наконецъ собрались въ путь. Я не хотѣлъ однакожъ оставить Франкфуртъ, не показавъ сестрѣ лучшее украшеніе его—Даннекерову *Аріадну*. Заказавъ экстра-почту къ вечеру, я отправился съ Людмилой на дачу банкира Бетмана; тамъ въ саду, въ павильонѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мраморами, находится это милое, граціозное изваяніе, быть можетъ одно изъ лучшихъ созданій новѣйшаго искусства. Произведенія Даннекера очень рѣдки, я знаю только Аріадну да статую Спасителя въ Царскомъ Селѣ. Надо полагать, что онъ мало работалъ. Вотъ что значитъ искусство: Франкфуртъ милъ для иностранцевъ не своимъ Römer, не Ротшильдомъ, а Даннекеровою Аріадною. Снимки съ нея въ гипсѣ, бронзѣ, на кости разсѣяны вездѣ во Франкфуртѣ и въ цѣломъ мірѣ. Ввечеру отправляемся въ Гомбургъ (отъ Франкфурта 9 Нѣм. миль, 63 вер.), куда пріѣзжаемъ поздно ввечеру и останавливаемся въ Hôtel d'Angleterre. Слава Богу, мы наконецъ на мѣстѣ и можемъ отдохнуть послѣ мѣсяца кочующей жизни!

VII. Гомбургъ.

Вотъ мы наконецъ на мѣстѣ и можемъ отдохнуть послѣ мѣсяца безпрерывнаго странствованія. Здѣсь назначено намъ пробыть три недѣли. Первымъ дѣломъ по прибытіи въ Гомбургъ было пріискать квартиру въ частномъ домѣ, ибо жизнь въ отели и неудобна, и дорога. Я недолго искалъ квартиры. На другой же день мы переѣхали изъ отели въ домъ Дейнингера на Kisselefsche Strasse, на Киселевской улицѣ. Это Русское имя конечно удивитъ всякаго, и мы не менѣе изумлены были, когда въ первый разъ услыхали названіе улицы, окрещенной Русскимъ именемъ въ сердцѣ Германіи. Ужъ не въ честь ли нашего министра дано это имя? Нѣтъ, подвиги графа Киселева здѣсь не столько извѣстны, какъ подвиги супруги его, съ которою онъ знакомъ, но не живетъ вмѣстѣ. Она поселилась въ Гомбургѣ, накупила и настроила себѣ домовъ, образовавшихъ собою новую улицу, и тѣмъ самымъ усвоила ей свою фамилію. Въ настоящую минуту графиня находится въ Италіи. Мы заняли очень чистенькую и хорошую квартиру въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома,—всего три комнаты съ корридоромъ,—за 25 гульденовъ въ недѣлю, со включеніемъ завтрака, т. е. кофе. Вторымъ дѣломъ было свиданіе съ докторомъ Траппомъ, къ которому мы адрессованы Геденіусомъ. Перебравшись на новую квартиру, я отправился къ нему и нашелъ въ немъ очень милаго и умнаго человѣка. Объ его искусствѣ какъ врача—извѣстно одному Аллаху. Это кругленькій, румяный, здоровый Нѣмецъ съ весьма

умною, пріятною и лукавою физіономіей. Онъ въ тотъ же день вечеромъ посѣтилъ насъ, ознакомился съ состояніемъ нашего здоровья и назначилъ намъ курсъ лѣченія съ завтрашняго дня,—мнѣ Elisabets Brunnen по 2 стакана, Людмилѣ Ludwigs Brunnen, и сверхъ того обоимъ ежедневныя ванны. Погода стоитъ здѣсь прекрасная, и по увѣренію всѣхъ, съ кѣмъ я имѣлъ случай говорить, здѣшній климатъ очень здоровый. Гомбургъ (называемый въ отличіе отъ другого Гомбурга—Гомбургомъ при горѣ, Homburg es-monts) лежитъ на плоской возвышенности, окруженной со всѣхъ сторонъ холмами Таунусскаго хребта, который живописно и привлекательно для глазъ тянется на горизонтѣ. Хотя въ немъ не больше 3/т. жителей, однакожъ городокъ этотъ есть столица ландграфства Гессенъ-Гомбургскаго и резиденція могущественнаго владѣтеля—ландграфа, который въ качествѣ члена Германскаго союза содержитъ армію въ 200 человѣкъ! Это микроскопическое государство, если не могуществомъ и славою, такъ зато щедро надѣлено другими дарами: оно лежитъ въ лучшей части Германіи, въ самомъ ея сердцѣ: кругомъ горы, покрытыя богатою растительностью и привлекательными своими живописными долинами и ущельями, вблизи Рейнъ и славный Рейнвейнъ, въ 15 верстахъ Франкфуртъ на М., одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ городовъ Германіи, неподалеку извѣстные цѣлому міру Эмсъ, Висбаденъ, Шлангенбахъ, Швальбахъ, но что особенно важно для насъ—Гомбургъ въ послѣднее время прославился цѣлебными свойствами своихъ желѣзисто-соляныстыхъ водъ. Благодаря этому обстоятельству, а также прекрасному климату и въ особенности искусству, съ которымъ нѣкоторые спекулляторы умѣли вездѣ распространить молву объ удобствахъ и удовольствіяхъ жизни въ Гомбургѣ,—городокъ этотъ сдѣлался моднымъ сборищемъ больной, здоровой и особенно играющей Европейской публики, потому что здѣсь азартныя игры въ самомъ адскомъ развитіи. Вы конечно читали пышныя описанія Гомбургскихъ водъ, напечатанныя огромными буквами въ отдѣлѣ объявленій въ Presse, Journal des Débats. Судя по этимъ описаніямъ, Гомбургъ—рай земной! Дѣйствительно, для общественной жизни сдѣлано здѣсь много, хотя и не совсѣмъ съ нравственною цѣлью. Нѣкто Г. Бланъ, родомъ Французъ, и К° откупили Гомбургъ у ландграфа, построили великолѣпный Kurhaus или вокзалъ, развели салы, однимъ словомъ, сдѣлали все что можно для приманки общества, употребивъ на это полмилліона рублей и разсчитывая, что карманы туристовъ покроютъ издержки и доставятъ барышъ. Кажется, учредители не ошиблись въ разсчетахъ. Нѣкоторые скептики и пессимисты увѣряютъ, что устройство Гомб. водъ есть чистая коммерческая аффера, что учредители или акціонеры подкупили Нѣмецкихъ медиковъ, которые разгласили по цѣлому міру вѣсти о чудесныхъ свойствахъ Гомбургскихъ источниковъ. Не отвергая дѣйствительности здѣшнихъ водъ, вѣроятно въ этомъ мнѣніи есть доля правды, потому что добросовѣстность Нѣмецкихъ медиковъ, какъ я убѣдился самимъ опытомъ,

весьма сомнительны, а жадность ихъ къ деньгамъ не подлежитъ даже и сомнѣнію. Какъ бы то ни было, но Гомбургъ въ короткое время разросся, разбогатѣлъ, обстроился прекрасно и съ каждымъ годомъ идетъ впередъ, къ величайшей досадѣ старшихъ своихъ собратій, Прирейнскихъ водъ. Англичане особенно полюбили здѣшнія воды; Русскихъ здѣсь бываетъ меньше, они предпочтительно посѣщаютъ Эмсъ и Киссингенъ. Шонлейнъ, первая медицинская знаменитость на пути нашихъ земляковъ въ чужіе края, обыкновенно шлетъ ихъ въ Киссингенъ, гдѣ ихъ, говоритъ, множество и въ нынѣшнемъ году. Для избѣжанія повторенія объ одномъ и томъ же я опишу здѣсь порядокъ нашего дня. Встаемъ мы рано, и по предписанію врача слѣдовало бы въ 6 часовъ быть у источника; но я никакъ не могу подчинить себя этому условію и прежде 7 часовъ никогда не могъ раньше являться въ рощѣ, гдѣ находятся цѣлебные ключи. Мы обыкновенно находили у источника уже всю колонію больныхъ. Здѣсь питье водъ и прогулка по аллеѣ подъ звуки прекрасной музыки продолжаются до 9 часа; дальше оставаться неудобно,—начинаетъ дѣйствіе водъ, и каждый спѣшитъ домой. Отдохнувъ немного, пьютъ кофе (чай запрещенъ) и потомъ остаются дома въ сладкомъ бездѣйствіи: всякія напряженныя занятія, умственныя и физическія, рѣшительно запрещены. Въ часъ пополудни отправляемся мы обѣдать за table d'hôte въ одну изъ лучшихъ отелей или въ домъ заведенія водъ, въ великолѣпный Kursaal, о которомъ я говорилъ выше. Здѣсь вы найдете что душѣ угодно: роскошныя палаты, рулетку, балъ, журналы цѣлаго міра, въ томъ числѣ наши *Пчела* и *Инвалидъ*, оркестръ музыки, ресторанъ и при немъ прекрасный садъ. Этотъ клубъ открытъ круглый годъ (не такъ, какъ на другихъ водахъ), потому что здѣсь не прекращается въ теченіи года игра, и сюда стекаются игроки со всей Европы. Ежедневно во всѣ времена года содержится здѣсь общій столъ и послѣ обѣда даются концерты здѣшнимъ оркестромъ, которому платятъ въ годъ 40 т. франковъ.

Но возвращаюсь къ нашему *exploi de la journée*: послѣ обѣда мы обыкновенно располагаемся на террасѣ слушать музыку и смотрѣть на здѣшній фешенебельный свѣтъ: потомъ немного гуляемъ и идемъ домой отдыхать, но не спать, что строго запрещено. Вечеръ посвящаемъ обыкновенно прогулкѣ и потомъ на покой.

Здѣсь изъ нашихъ соотечественниковъ нашли мы семейство Обухонихъ, состоящее изъ 11 душъ, съ чадами и домочадцами, графиню Гурьеву, дочь знаменитой Маріи Антоновны Нарышкиной, Книтку съ женою, да и только. За обѣдомъ въ Hôtel de Russie познакомились мы съ Обухонымъ, съ которыми въ послѣдствіи связывала насъ дружба, и мы были неразлучны съ ними не только въ Гомбургѣ, но и въ Остенде и Парижѣ. Прилагаю здѣсь портреты нашихъ милыхъ знакомыхъ.

Василій Васильевичъ Обуховъ, человѣкъ лѣтъ 35, служилъ когда-то въ гвардейскихъ уланахъ; добрый, милый, но черезчуръ обабившійся и изнѣженный; единственный сынъ богатой женщины, любившей его безъ памяти. Потеря матери страшно подѣйствовала на его и безъ того слабое здоровье. Его нервическая система разстроилась въ конецъ, зрѣніе ослабѣло, и опасаются, чтобы онъ совсѣмъ не лишился зрѣнія. По увѣренію медиковъ, это начало катаракты на обоихъ глазахъ. Петербургскіе врачи предписали ему Гомбургъ и морскія купанья. Его блѣдный болѣзненный видъ, его милый, добрый характеръ внушили мнѣ истинное къ нему участіе. Я полюбилъ его душою, и онъ, кажется, платитъ мнѣ тѣмъ же. Онъ путешествуетъ съ супругой Екат. Вас., урожденной Обрѣсковой, дочерью бывшаго московскаго полицмейстера, котораго фигура въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ осталась въ моей памяти отъ временъ дѣтства; онъ часто ѣзжалъ къ батюшкѣ въ Москвѣ. Екат. Васильевна дама полу-московская, полу-петербургская, съ претензіями на умъ, ученость, сильный, твердый характеръ, parlant Phoebus, mis au demeurant очень милая, очень добрая женщина! Подумаешь, что за охота людямъ такъ исказить свою натуру! Жеманство, умничанье—для меня несноснѣе всего на свѣтѣ. Искусство, знаніе хороши только какъ вспомогательное средство для развитія нашей внутренней природы, но бѣда, если они вздумаютъ совершенно замѣнить природу. Простота въ обращеніи, добродушіе, искренность не исключаютъ ума и любезности. По мнѣ, это лучшія свойства людей, надѣленныхъ этими свойствами. M-me Обухова часто и смѣшила, и досадовала меня. Въ послѣдствіи, ознакомившись съ нею короче, я полюбилъ и ее, въ особенности за то, что она предана своему семейству и заботливо, какъ няня, ходитъ за своимъ больнымъ мужемъ. У Обуховыхъ живетъ племянница ихъ M-lle Marie Олферьева, блѣдная, стройная, высокая дѣвица, съ бѣлокурыми кудрями и голубыми глазками, милое, нѣжное существо, воспитанное на петербургскихъ балахъ и въ Италіи, гдѣ Обуховы провели нѣсколько зимъ. Марья Павловна подружилась съ сестрою Людмилою, и мы всякій день были вмѣстѣ. Въ Римѣ она составляла предметъ нѣжной страсти нашего Алексѣя Сомова, кончившаго такимъ жалкимъ образомъ свою карьеру; въ Петербургѣ также любила не одинъ разъ, а теперь, кажется, составляетъ предметъ обожанія для молодого Галахова (сына пет. об. пол.), недавно кончившаго курсъ въ Уч. Правовѣдѣнія и путешествующаго по Европѣ по пятамъ M-lle Marie. Онъ и живетъ у Обуховыхъ въ домѣ и, кажется, уже просилъ руки ея, вопреки желанію своего отца и матери, вызывающихъ его въ С.П.В. Галаховъ—умный, милый малый, немного оригинальный и съ виду настоящій британецъ. При семействѣ Обуховыхъ состоитъ еще родственница ихъ, пожилая, толстая дѣва Екат. Павловна, завѣдывающая хозяйствомъ, нѣсколько горничныхъ и кормилица съ ребенкомъ Обуховыхъ. Всю эту семью замыкаетъ разбитной курьеръ Джіованни.